

ТИНА ВАЛЬЕН

РУССКАЯ САГА

БРАК

Тина Вальен
Русская сага. Брак.
Книга вторая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25723409
ISBN 9785448566677*

Аннотация

«Русская сага» – это народный роман о трёх поколениях простой семьи. Они не претендуют на спасение мира, но мужественно держат его на своих плечах. Не все – мужественно... и – держат, но чего только в жизни не случается. Главная героиня Ина вышла замуж. Не по любви, не по расчёту, а по велению свыше: «Чтобы вместе, в болезни и здравии...» Но! Об этом «но» автор расскажет не без юмора и даже сарказма, ибо в каждом браке есть свои нюансы, свои святые и грешники, своя школа сопротивления материалов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Печали свет	7
Судьба-птица	9
Ловушка	26
Первые обиды	45
Роды	52
Ина – мама	61
Чужой дом	70
Поплачем?	77
Замужество	80
Детская советская медицина	102
Подруги и единственный друг	107
Учительница-практикантка	119
Болгария	126
Винни Пух	134
СССР 1971—1976 годы	141
Новая профессия	144
Пяру	153
Подарок судьбы	159
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Русская сага. Брак

Книга вторая

Тина Вальен

Корректор Оксана Уразголиева

Дизайнер обложки Maria Ryavina

© Тина Вальен, 2020

© Maria Ryavina, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4485-6667-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается тебе, моя любимая внучка.

Прочти...

как достоверный исторический роман, где есть

*местами романтический туман, но неизменно
пробивает себе путь
реалистическая соль его и суть*
(Левитанский Юрий)

Все события реальны, как и имена героев, кроме изменённых во избежание их повторения или дискредитации скрытых под ними лиц. Если эти лица не угодили автору, то это не значит, что они не угодили всем остальным. Это для объективности.

Печали свет

*Печали свет из лабиринта памяти,
Печали свет хрустально-голубой...*
(Рубальская Л.)

Бывает в жизни такое настроение, когда очень хочется оглянуться назад на прожитую жизнь и перебрать воспоминания, словно сокровища, накопленные в старом сундуке. Там хранятся запахи весеннего сада и соловьиные трели, летние ливни с грозами и зимние морозные узоры на маленьких окнах родительского дома. Самая большая драгоценность – беззаботный смех. И совсем не хочется открывать тёмные коробочки, в которых хранятся горькие слёзы пережитых обид и глупых ошибок.

Картинки прошлого наплывают одна за другой. Ты закрываешь глаза и видишь родной деревенский дом с цветущими мальвами и георгинами под окнами... В минуты грусти ты сидишь на порожке любимого чердака и смотришь на облака, плывущие за горизонт, и тебе очень хочется уплыть вместе с ними в невиданные дали, где осуществляются мечты. И мечты твои такие же лёгкие и расплывчатые, как эти белые кораблики, скользящие по лазурному небу.

Ты вспоминаешь, как впервые не могла заснуть, потому что безумно влюбилась в мальчика, приехавшего на канику-

лы к бабушке, а в это время под твоим окном стоял другой мальчик, влюблённый в тебя.

Зима. Деревенька под снегом. На улице выюга, а ты, уютно устроившись на хорошо протопленной лежанке, открываешь новую книгу и начинаешь жить невероятно интересной жизнью её героев. Ты уверена, что тоже всё преодолеешь и поймаешь свою жар-птицу за хвост. Хочется прокричать себе из будущего: «Девочка, возьми лучше учебник химии и выучи одну единственную таблицу растворимости, и только тогда сбудется твоя первая мечта!»

Ты снова закрываешь глаза, летишь над прошлым и видишь сначала свою деревеньку, потом студенческий городок... они кажутся такими маленькими и наивными. И лишь прожив жизнь, ты вдруг осознаешь их огромную величину и значимость. А тогда ты с лёгкостью покидала эти места в поисках себя и своего места в жизни, в поисках любви.

Вот картина уже взрослой жизни. Тыходишь к телефону и поднимаешь трубку. Остановись, не надо ему звонить! Ты сама прекрасно понимаешь, что это не тот случай, когда тебя сжигают чувства, когда каждая минута разлуки кажется преступлением и никто и ничто не может тебя остановить. Это всего лишь простое желание встретить с ним Новый год в интересной компании. К сожалению, ничего уже не изменить. Ты дозвонишься, и твоё желание исполнится...

Судьба-птица

*В любую минуту кто угодно может выскочить
и повлиять на нашу дальнейшую судьбу.
(Александров Г.)*

Только через два года после замужества Ина всерьёз задумалась о таком понятии, как судьба. Неужели это она ведёт человека по жизни, а не собственная его воля? И кто мудрее, собственный разум или неразумная и непостижимая предопределённость? Вдруг и она разумна? События, случившиеся с ней, полностью отрицали как разумность судьбы, так и её собственную волю. С чего всё началось?

Старый Новый 1972 год. Только в России возможна такая абракадабра. Поздний вечер в общежитии, девушки гадают: очень хочется заглянуть за грань неведомого и узнать своё будущее. Пламя свечи отбрасывает тени от сгоревшей бумаги на стену. Шёпот, смех. Скомканная и сгоревшая бумага Ины показывает большую птицу, которая топчет малую, распахнув крылья.

– Наконец и тебя кто-то потопчет, – радуется одна из девушек, прошедшая уже огонь, воду и ожидавшую картинку медных труб.

– Не потопчет! – усмехнулась Ина. – Я не вооружена, но очень опасна: знакомые топтуны уже не пытаются,

и остальным пока не светит.

– Свою судьбу и на кривой козе не объедешь, так что не за-
рекайся! Потопчут и тебя.

– Я не курица, чтобы меня топтали, поэтому мне нужен
не петух, а любимый человек!

– Чтоб любил и на руках носил?

– Чтобы просто любил, – ответила Ина. Потом ещё раз по-
смотрела на тень от сгоревшей бумаги девушки и сказала, –
На кривой козе судьбу не объехать, а на автомобиле впол-
не возможно! Смотри, у тебя тень похожа как раз на него!
Встретишь парня на своём личном авто и выйдешь за него
замуж.

– Где ты там автомобиль увидела?! Смешно! – сказала,
вздыхнув, девушка. – Если только милицейский уазик...

Посмеялись, потом потрепались об известных мистиче-
ских предсказаниях и разошлись по своим комнатам спать.
Перед сном Ина перебрала в памяти всех своих отвергнутых
поклонников. Ей не нужна была их любовь, она хотела лю-
бить сама. И любила... Даже воспоминание о тех чувствах
затягивало в чарующий головокружительный омут. Снова
перед глазами высокий красавец-блондин, безнадежно отча-
янный и магнетически притягательный... и совсем другой,
тоже высокий русский, но внутренне интеллигентный и стес-
нительный... её последняя страсть... С первым – её любовь
воевала, второму – сдалась с первого взгляда. Казалось, что
совсем недавно она спешила на новогоднее веселье, где он

возьмёт её за руку, представит своей маме и больше не отпустит от себя. Только с ним она хотела прожить жизнь и умереть в один день.

Весь новогодний вечер их переполняла нежная и тихая мелодия любви и счастье соединения двух судеб в одну, переливающуюся всеми цветами радуги. Но в самый разгар веселья раздался звонок в дверь, это пришла реальная судьба её возлюбленного и предъявила ему счёт за одну единственную ошибку. Ина мечтала утонуть в океане любви, а утонула в океане печали.

Три месяца она находилась между миром живых и мёртвых, но в марте с первой весенней каплей болезнь ушла, оставив лишь осложнения. Что ждёт её впереди? Ина закрыла глаза, явился образ Ленского и запел знаменитую арию: «Что день грядущий мне готовит?»

«Готовит... Готовит...» – стучит за окном капель, и орут коты на крыше. Две любви, как две реки, заполнили её озеро чувств. Тёмная и светлая. Она так и не поняла, какая секретная невидимая сила притягивает людей друг к другу? Случится ли с ней ещё когда-нибудь такое чудо? «Пошли мне, боженька, любовь», – прошептала Ина и заснула.

В последнюю субботу мая подруги Ины по институту поехали на электричке на пикник. Всего через три остановки находилось дивное местечко для отдыха: деревенька, лес во круг, речушка шириной метра два с деревянным мостиком, над которым склонилась плакучая ива. Ина любила посидеть

на этом мостике, опустив ноги в воду. В этот раз всё это мило: для всех суббота, а у неё работа. Ей двенадцать часов сидеть перед пультом и управлять движением поездов на станции.

Девчонки прекрасно отдохнули. Не успели они расположиться на полянке, как на неё молодым козликом выскочил весёлый юноша, а за ним десяток школьников, которых он как студент-практикант повёл на тематическую прогулку. Юноша послал школьников собирать материал для гербария, а сам стал очаровывать девчонок. Было весело.

В следующую субботу на танцах девчонки познакомили Ину с этим юношей, и он пошёл её провожать. Этот вопиющий факт жутко задел товарок – их право первого знакомства было растоптано в прах.

На первый взгляд Игорь Ине понравился: рост выше среднего, чуть выющиеся тёмные волосы, крупные черты лица, выразительные серые глаза. Впрочем, ничего особенного. До общежития на привокзальной площади, где она жила, доехали трамвае, во дворе присели на скамейку и разговорились. Ина рассказала, что после окончания техникума работает на железнодорожной станции, живёт в общежитии. В течение трёх лет её обязаны обеспечить жильём как молодого специалиста. Ещё она заочно учится в пединституте.

– И я там учусь! – обрадовался Игорь. – Отслужил в армии и в прошлом году поступил на факультет физики и трудового воспитания. Раньше занимался боксом.

– В трамвае тебе крикнули: «Привет, Пугач!»

– Ещё со школы пошло. Фамилия Пугачёв, коротко – Пугач. Ещё я играю в ансамбле на бас-гитаре.

Ина подумала, что в последнее время ей везёт на гитаристов. Стали встречаться. Ей понравилась неистощимая весёлая энергия Игоря, лёгкость общения с ним и его друзьями, приятно удивил его интерес к НЛЮ. Огорчало только то, что он моложе её на два года. Сама виновата – засиделась в девках до двадцати трёх лет. И закружилось, завертелось колесо их чисто приятельских отношений. Всего лишь. Видимо, Амур со своими стрелами в тот момент впал в кому.

Наступило лето. Игорь уехал со стройотрядом в близлежащий совхоз, но настоятельно просил приехать в гости. Как-то в выходные дни Ина со Светой, соседкой по комнате, от скуки поехали посмотреть, как отдыхают студенты стройотряда.

У студентов по вечерам жизнь бурлила. Самыми весёлыми были репетиции концерта, основой которого был музыкальный ансамбль. Солисткой ансамбля была Инга с иняза и какой-то парень, очень серьёзно певший свой гимн партии и правительству, а после него вся репетиция выливалась в одну большую хохму.

Игорь устроил Ине и Свете ночлег в отдельной палатке, но Света заползла в неё только под утро. Ина, объяснив восплававшему страстью Игорю, что приехала к нему не за подобными страстями, спала одна.

Прошла осень, наступила зима, а они продолжали встре-

чаться. Иногда Ина приходила на репетиции музыкального ансамбля, в котором играл Игорь, где всегда было шумно и весело. Чаще он приглашал Ину просто погулять по заснеженным улицам, но через несколько минут уже целенаправленно тащил её за руку к кому-то в гости. И вот они уже за столом в чьей-то квартире и явно против воли хозяев.

Чаще всего они заходили к Инге, собиравшейся замуж за друга Игоря, учившегося с ним на одном курсе. Её большая семья жила в стареньком двухэтажном шлакоблочном домике в два подъезда и всегда радушно принимала сокурсников дочери и сына. Иногда за столом собиралась целая компания. Её нельзя было назвать дружной, ибо все отношения на многочисленных внезапно организованных вечеринках были поверхностными. И какой глубины или смысла искать в хаотичном броуновском движении студента в свободное от учёбы время? Анекдоты, смех, скользящие взгляды...

Инга удерживала их на себе непонятно чем. Вроде не красавица, а лицо кажется аристократичным. Было что-то внутри неё, не свойственное остальным: спокойствие, стабильность и та глубина, которая не чувствовалась в других. Вот и фотограф увидел жемчужину внутри серой раковины: на берегу моря на фоне заката фигура сидящей спиной к зрителю девушки с изумительно изящной линией талии, переходящей в широкие бёдра. Отсвет заката на тёмной коже, распущенные волосы волной. Не черно-белое фото – музыка. Ина была очарована как фотографией, так и оригиналом.

Однажды она пришла к Инге в гости одна, прихватив торт к чаю, чтобы поговорить о превратностях бытия, в частности, об Игоре. Инга выставила на стол домашнее вино, и разговор обрёл необходимую для такого случая теплоту и душевность. Инга сама спросила Ину, как она относится к Игорю, и Ина, немного смущаясь, призналась:

– Игорь мне симпатичен, но я сомневаюсь в серьёзности его намерений. Он настаивает на том, чтобы изменить наши отношения на более близкие, а я не знаю, можно ли ему доверять? Как я поняла, ты и твой парень давно с ним знакомы, поэтому и знаете о нём больше. Что он за человек? Может быть он ухаживает не только за мной...

– Ина, я тебя прекрасно понимаю, поэтому не смущайся, – успокоила её Инга. Она помолчала, а потом сказала, – Кое-что ты не знаешь. Я обещала об этом не рассказывать, но слово нарушу. Итак, ты помнишь первый снег?

– Да... казалось, что зима легла навсегда.

– К нам вечером прибежал Игорь в одних носках! Прибежал и рассказал, что родители заперли обувь в шкаф, чтобы из дома не выходил и готовился к передаче зачётов. Им из института сообщили, что он под угрозой отчисления. Представляешь, он в одних шерстяных носках рванул к тебе. Снежки кидал в окно, но ты не выглянула, а появиться перед вахтером без обуви он не решился и прибежал уже к нам за кедами.

– В тот вечер я сидела в другой комнате у подруги и ду-

лась, что он не позвонил.

– Он звонил, у вас телефон не работал. Это доказательство серьёзности его намерений?

– Вполне. Неожиданно... и приятно узнать о таком поступке. Почему бы не сказать, что влюблён?

– Мой парень без сомнения меня любит, но верхом его признания стало предложение пожениться. Не знаю почему, но не умеют наши мальчишки выговаривать такое важное для нас слово «люблю». И Игорь доказал очень оригинальным способом, что влюблён в тебя по уши. И семья у него вроде приличная...

– Убедительно, но чего-то мне в нём не хватает. И заводной, и лёгкий...

– Ина, это в тебе не хватает чувства, но в паре один всегда любит сильнее. И я часто сомневаюсь в своих, хоть и приняла предложение выйти замуж. Мне, как никак, уже двадцать два года. Пора.

– Мне уже двадцать три, а я никак не решусь перейти на другой уровень отношений с мужчинами...

Ина запнулась, подбирая слова...

– ... без безумной страстной любви, о которой мечтала? – подсказала Инга. – Знакомое состояние. Я спустилась с небес на грешную землю и перешла на этот уровень как раз для того, чтобы лучше узнать своего парня, после чего он сразу сделал мне предложение выйти за него замуж. У нас обоих, если честно, выбор был не широк... У тебя, как я по-

няла, выбор был и остаётся...

– Выбор у меня был, а толку от него не было. Как только узнаёшь человека поближе, так сразу приходит разочарование, да и без сильного чувства всё кажется немного пошлым...

– Меня земная любовь нисколько не разочаровала. И тебе того же желаю. Какие ещё проблемы? Ты не знаешь Игоря. Ина, чтобы узнать человека, надо с ним вместе пуд соли съесть!

– Для этого надо вместе полжизни прожить, а ты рекомендуешь сначала с ним переспать, – с усмешкой сказала Ина.

– Тогда «Парня в горы тяни – рискни, – запела Инга, и они вместе допели, – Пусть он в связке одной с тобой, там поймёшь, кто такой!»

– Ина, я тоже до такой степени не знаю своего жениха, и тоже полна сомнений, – продолжила Инга. – Они все хороши, пока влюблены... А, Игорёк – хороший парень, солнце наше! Вспомни концерт в институте, где он выступил в роли дубовой берёзки! Живот от смеха заболел.

Ина ушла от Инги в приподнятом настроении. По дороге домой она с улыбкой вспомнила концерт в честь Дня учителя, на котором курс Игоря произвёл настоящий фурор. На репетициях этого концерта она иногда присутствовала.

Инсценировали один анекдот. На сцену выезжал на палочке, изображая галоп, Отелло, размахивая огромным, не первой свежести, носовым платком. Лихо тормозил у палат-

ки, спешивался и стучал в брезентовый полог. За кулисами дружно озвучивали галоп и стуки.

– Туки-туки, Дездемона! Открывай, подлая баба!

– Отедо! – радостно вопила Дездемона, чуть картавя и выглядывая из палатки.

Отелло заталкивал её внутрь и задёргивал полог. Палатка начинала ходить ходуном, слышался зверский голос Отелло: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?!»

Потом коня стали изображать два парня, накрытые попоной, при движении ставя ноги невпопад, что было ещё смешнее.

Итак, палатка в конвульсиях ревности... и примирения. За кулисами кричали: «Чмоки, чмоки», выходил радостный Отелло и прыгал на жеребца, тот прогибался до пола, но, получив шпорами в бока, как пуля улетал за кулисы, оставив заднюю часть. Отелло, обхватив голову коня, скрывался за кулисами. Зал хохотал. Из палатки выходила с растрёпанными волосами Дездемона и громко кричала вслед: – Отедо, Отедо! Коня не поте... Потерял!

Она дёргала оставшийся круп за хвост и отрывала! Раздавалось душераздирающее ржание, и круп молниеносно исчезал (утягивали на невидимых колёсиках). Зал стонал от смеха.

Следующим номером шла песня «Дубинушка». На сцену выходили три парня, следом за ними на сцену выбегал режиссёр и командовал:

– Ребята, припев поём весело и задорно с выбросом руки!
Трио уныло затягивало:

– Не тяните кота вы за кончик хвоста, вы за кончик хвоста не тяните... Не тяните... – и неожиданно громко и разухабисто переходили к припеву, – Эх, дубинушка... – дылда выбрасывал правую руку и попадал второму поющему по лбу. Тот, выпучив глазки, как подкошенный падал на колени.

– ... ухнем! – Ручища, возвращаясь, била упавшего на колени соседа по затылку с такой силой, что сосед ударялся лбом о пол:

– Эх, дубинушка, сама пойдёт, сама пойдёт!

Следующие придумки уже с третьим певцом тонули в сплошном хохоте. Обычный приём чередования нудного и бодрого. Идеи били ключом: спеть «Лучинушку» под музыку «Цыганочки». И Игорь в пачке в образе лебедя был неподражаем. Незабываемые денёчки...

Вскоре Игорь, приходя в гости, стал делиться с Иной мастерством массажиста.

– Где научился? Я тебе уже говорил, что боксом занимался, у меня высший юношеский разряд! – напомнил он. – Перед соревнованиями всем участникам делали массаж, потом научили делать его друг другу.

Она не поддавалась ни на какие провокации. Игорь впервые не пришёл к ней, не позвонил, видимо, намекая, что дальше так продолжаться не может. Ина подумала, если она на этот раз попытается «сохранить девственность» до сва-

дбьбы, то у неё есть много шансов сохранить её до пенсии.

Скоро Новый год, который они планировали провести вместе в очень интересной компании, поэтому надо было срочно мириться. Инга сумела-таки убедить её в том, что она ему не безразлична, поэтому Ина впервые позвонила Игорю сама. Этим звонком она польстила его самолюбию и дала надежду на исполнение желаний. В конце концов ей пора продолжить когда-то неудачно начатый половой эксперимент. «Эх, дубинушка...» Так одним звонком была решена её дальнейшая судьба.

Однажды Ину позвали к телефону. Из трубки женский голос удостоверился, что это она, и тут же потребовал:

– Не сбивайте с пути моего сына!

– С кем имею честь? – не стушеввалась Ина, хотя сразу поняла, кто с ней говорит.

– Мать,...

– Очень приятно. Да, мы встречаемся, ... тоже учусь, сделаю всё от меня зависящее, чтобы ваш сын не оставил институт. Полностью с вами согласна: «Неучи никому не нужны».

Мать Игоря сменила угрожающий тон на спокойный и попросила:

– Ина, постарайтесь уговорить его не бросать институт! Он хочет работать и иметь свои деньги. Мы в состоянии помогать ему до окончания института, а если женится...

– Не волнуйтесь, я пока замуж не собираюсь, – успокоила её Ина и положила трубку.

Она на самом деле не думала об Игоре как о муже.

– Студенту нельзя жениться, – заявил Анатолий, молодой специалист, ставший уже начальником депо, который и позвал её к телефону. – Будет заниматься только женой – появятся хвосты. Будет заниматься только учёбой – появятся рога. А будет заниматься и тем, и другим – отбросит копыта.

– Подслушивать нехорошо, – осадила его Ина.

– А я что... я жду, пока чайник закипит. Не я поставил телефон на общей кухне.

– О женитьбе пока и речи нет.

– И правильно. За кого выходить? – подал очередную реплику Анатолий. – Он даже на чулки тебе нескоро сможет заработать.

– Ты можешь, и радуй этим свою жёнушку!

– А мог бы радовать тебя, зажигалка чёртова! – Анатолий схватил закипевший чайник рукой, обжёгся и ещё раз помянул нечистого.

– Тебе же лучше! – с усмешкой сказала Ина бывшему поклоннику. – Сам говорил, что Люба тебя обожает.

– Я предпочёл бы обожать тебя... Может быть я однолюб – любил только тебя.

– Однолюб может сделать несчастной только одну женщину. Однолюб! Ходит и ходит, пора забыть общагу.

– Вот зараза, – крикнул Анатолий. – Лучше бы не заходил! В собственном кабинете чая навалом.

На первом же свидании с Игорем Ина усомнилась в его

«уме и сообразительности», после чего он за две недели избавился от хвостов. По этому поводу устроили вечеринку у неё в комнате, на которой Игорь познакомился с её друзьями. Ему вскоре нашептали о всех её несостоявшихся женихах, на что она никак не отреагировала, потому что больше всего её волновало его настойчивое желание близости.

Новый год приближался. За месяц до него Игорь познакомил Ину с родителями. Просто так. Она, просто так, познакомилась. Отец – начальник крупнейшего цеха на градообразующем заводе, мать домохозяйка, старший брат студент философского факультета МГУ, младшая сестра учится в школе. Жили они бедновато. Ина и до визита догадывалась об этом по гардеробу друга – полный провал, не зря он хотел пойти работать. Смотрелся он хорошо только в джинсах, но они были одни. Особенно бесило его уродливое чёрное полупальто фабрики «Большевичка», которыми были забиты все мужские отделы магазинов и которым сносу не было. Где ему до модного во все сезоны Вадика, её бывшего жениха? А в остальном... всё хорошо...

Собственно, она тоже могла похвастаться только шикарной чернобуркой на зимнем пальто да новым осенним... да... Мысленно перебрав весь свой гардероб, она почувствовала себя чуть ли не богачкой.

– Ина, я вижу, что мой сын влюблён в тебя, возможно, ради тебя и диплом получит. Это для него – главное! – сказала ей tet-a-tet мать Игоря.

«Для матери главное диплом, для Игоря – секс, а для меня что? – подумала она. – Неужели только Новый год с ним и в интересной компании?!»

Инга вышла замуж. На свадьбе она снова нашёптывала Ине на ухо:

– Не сомневайся, Игорь любит тебя, готов жениться.

– Не он первый, – вздохнула Ина и уже с усмешкой добавила, – но в моём возрасте может стать последним.

Она понимала, что замуж пора, но не хочется. Секс необходим и неизбежен, но пугает последствиями. И всё-таки для приобретения сексуального опыта Игорь подходил как нельзя лучше. В этом их желания совпадали. Поцелуи становились жарче, а массаж – эротичнее...

Однажды чувственное напряжение достигло пика, и если бы Игорь спросил, может ли его пламенеющий змей проникнуть в её девственный лотос, то она бы дала согласие от одного только эстетического шока. Но он выразил своё желание близости так, что в своей беспрецедентной «креативности» ввергло её в не менее сильное потрясение, от которого лотос утопился, гневно захлопнув раскрытые лепестки.

Все её сознательные и бессознательные ментальности мгновенно считали тайные коды Игоря, оцепенели от совершенства их простоты и тут же потребовали срочно вернуться на исходную позицию, принятую ею год назад как доминантную: ждать героя для своего любовного романа лет до трид-

цати. А этого «велеречивого» соблазнителя эпохи средневековья проводить без утех, оставив его змея в собственных зарослях чертополоха.

Через неделю Ина спросила себя: «Не слишком ли серьёзно она относится к процессу получения примитивного, как ей казалось, удовольствия, для которого простые коды в самый раз?» Правильный вопрос не требовал ответа, и Игорь отпраздновал победу.

Вскоре его стараниями Ина «достигла первой разрядки напряжённости» и своей женской природы, которая дождалась своего счастья. Но тут же заплакала душа. Ина не стала спрашивать, по какому вопросу та плачет, иначе пришлось бы сразу после полученного удовольствия поставить своё тело к стенке и расстрелять за предательство её романтических грёз. Только таким канцелярским стилем можно было описать ту внутреннюю драму, которая произошла из-за очень разумного решения стать настоящей женщиной.

Впереди Ину ждал Новый год в классной компании Гены Колесникова, однокурсника Игоря, который писал стихи, сочинял музыку, имел философские взгляды на жизнь и несколько утопал в собственных амбициях. Попасть на эту вечеринку очень хотелось.

Смена Ины впервые работала тридцатого декабря в ночь и уходила на два выходных дня. Самый удачный вариант. Весь год она радовалась, что сможет повеселиться по полной программе, но буквально за день до вожденного празд-

ника её попросили выйти на работу в ночь с тридцать первого декабря на первое января, потому что коллегу увезли на «Скорой помощи» в больницу. Такой вот форс-мажор! Сказать, что она очень расстроилась, значило – ничего не сказать. Игоря эта новость не расстроила. Он отметил на вечеринке, а потом приехал к ней на станцию, до самых основ поразив её своим благородным поступком.

Сначала он с интересом разглядывал станционный пульт управления движением поездов, потом она рассказала ему о принципах его работы. Время приближалось к полуночи. Заводная, мощная телом и внутренней энергией Семёновна из товарной конторы, расположенной в кабинете напротив, не выдержала и раньше времени открыла вечеринку для их маленького коллектива из пяти человек и одного гостя. Чего она только не вытворяла! Концерт одного актёра удался на славу. Ина с удовольствием наблюдала за развеселившимся Игорем, и вдруг единственная тоскливая мысль мелькнула в голове: «Когда-то на месте Игоря сидел Вадим, и не пора ли ей остановить эту карусель поклонников?»

Ловушка

Про свои ошибки всегда говори: – Надо же, как интересно всё получилось!
(Совет психолога)

Взрослые игры Ины с Игорем продолжились. Оба стремились к полному улёту, но его обогнал и пришёл первым пошлый залёт. Сначала Ина ничего не поняла. Поход в столовую или в ресторан при вокзале всегда был для неё маленьким праздником. Совсем неожиданно этот непритязательный праздник вкуса кончился: Ина зашла в столовую и не смогла дойти до раздачи от невыносимого противного запаха. Её затошнило. На другой день всё прошло, но чем ярче горели щёки Игоря в их играх, тем бледней становились её. В феврале Ину стало тошнить уже на улице, и она всполошилась окончательно, решив поговорить в первую очередь с Викой.

Вика успела пожить в Германии с бывшим мужем-офицером и вернуться обратно с дочкой. Очень скоро у неё завязались отношения с Семёном, занимавшем соседнюю с Иной комнату. Сначала они пожили вместе в доме её мамы, потом Семён не выдержал слишком пышного коврового уюта в доме свекрови и вернулся в аскетизм общежития. Вика то приезжала к нему, то уезжала. На этот раз она была у него, и Ина

поделилась с ней своей тревогой.

– Взбледнула ты не на шутку: это беременность! – сразу сказала Вика, не подбирая выражений.

Ина не хотела верить в этот ужас, потому что они с Игорем предохранялись! Пришлось посетить гинеколога, которая с особым пристрастием провела осмотр, но беременность не определила, пригласив её на приём через три недели. Сегодня трудно поверить, что в то время не было ни УЗИ, ни тест-полосок.

В назначенный срок Ину посмотрели уже два врача, но оба ничего не нашли. Завязавшуюся в ней жизнь подтвердили только тогда, когда уже было опасно от неё избавляться. Ситуация загнала её в угол, и «Мастер утех без последствий» тоже растерялся. Оставалось только подвести итог и сказать: «Надо же, как интересно всё получилось!»

– Игорёк, ты отвечаешь за последствия, я – профан, – сразу предупредила Ина партнёра по плотским забавам, добившегося её тела.

– Не бойся, зато я – Мастер! – уверенно заявил он.

– Что делать будем, Мастер? – с нескрываемой издёвкой спросила она Игоря.

Что делать, если тема предохранения так до конца и не была раскрыта большинством девчонок, вступивших на путь греха в советское время. Сама Вика, вырвавшаяся из германского плена, когда-то жаловалась Ине, что её спасали от беременности только противозачаточные таблетки из Герма-

нии, которые давно закончились, а дорогуших уколов для прерывания беременности не может достать даже Семён. Как она его ругала! Мало того, что не спешит жениться на ней и не балует деньгами, так ещё и ревностью замучил. Бывший муж хоть и ревновал, но одевал её, как принцессу, от чего остальные офицеры шеи сворачивали, когда она проходила по городку. Ина знала, что не один её и свернул, за что Вику выслали в Союз. Правильно говорят, что красота принадлежит всем. И красота Вики была не против этого, особенно когда соблазнов в военном городке море разливанное.

Во время того давнего разговора Ина спросила:

– Вика, а почему ты не пользуешься презервативами?

– Пользовалась и ими, но Семён их ненавидит, поэтому приходится прибегать к другим способам предохранения. Ина, от залёта ничто не спасает на сто процентов, поверь моему опыту: пара за год.

Тогда Ина искренне посочувствовала Вике, будучи далёкой от её проблем, теперь сама тонет в самой главной из них. Семён мог достать для Вики какие-то уколы, избавляющие от беременности, а ей их никто не достанет.

Зато достал давно забытый молодой человек, который без предупреждения нагрязнул в гости. С ним она когда-то познакомилась в поезде Москва – Одесса. После армии он превратился в симпатичного молодого человека, который был крайне удивлён, увидев вместо весёлой и умненькой милаш-

ки бледную девушку с грустными глазами. Он рассказал, что учится в институте, живёт в своей Астрахани, ест икру ложками и её приглашает откусать:

– Поехали ко мне в гости, загорись, щёчки порозовеют от икорки.

– Я беременна! Боржом пить и есть икру поздно.

– Наоборот – в самый раз! – упрямо возразил он, очень удивив её: зачем ему беременная девушка, простите, женщина?!

Ина вежливо выпроводила своё неразумное прошлое, порадовавшись только тому, что парень заглянул к ней не специально, а проездом в столицу. Зачем она дала ему свой адрес, если ни при каких обстоятельствах не пошла бы за него замуж, потому что он был маленького роста? У неё уже мог быть невысокий муж...

В привокзальном ресторане Ине нравилась одна официантка, совершенно седая для своих, видимо, неполных сорока лет. Седина с каким-то голубым оттенком придавала ей некий аристократизм. Однажды именно она задержала Ину и предложила познакомиться с её сыном. Как можно отказать в просьбе такой женщине?

Сын не вышел ростом, не блистал красотой и уверенностью в себе, но имел собственную квартиру и машину. Его мать поседела, устраивая судьбу единственного сына, выросшего без отца. Больше в этот ресторан Ина не ходила. Все-таки не в деньгах счастье, подумала она тогда.

Ина не зря вспомнила эти случаи, ей было очень жаль обоих мальчиков. Судьба наделила их умом, добротой, хорошими родителями, но поскупилась на рост. Рост был востребован девушками даже больше красоты. Высокий мужчина мог позволить себе быть чуть красивее обезьяны. Такие вот подлые они, девушки, которые в то же самое время клеймят красавчиков, которые не обращают внимания на них, всего лишь с малейшим изъяном, но добрых, нежных, умных...

Ина открыла глаза и посмотрела на часы. После ночной смены она проспала всего три часа, хотя раньше могла дрыхнуть до вечера. Раньше! А теперь она проснулась, потому что из кухни в комнату просочился запах жареной картошки, и к горлу подкатила тошнота, напомнив о главной проблеме – беременности. Ина вздохнула: не просто беременности, а незапланированной беременности. Это две большие разницы.

Если ты начала игрища с сексом, то вооружись не одной, а несколькими степенями защиты. А ты, дурочка, просто поверила в опытность партнёра. Сколько можно наступать на одни и те же грабли со своей наивной верой? Она с отвращением вспомнила, как поверила вору, убедившему её, что он «Сын Начальника Милиции», теперь – «Мастеру утех без последствий».

И таких дурочек, по рассказам знакомых, полно. Ежедневно до двадцати особей женского пола делают аборты в городской гинекологической больнице. Незамужним девчонкам

хуже всего. Надо сначала пройти через позорище медперсонала при получении направления, потом претерпеть стыд на работе или в институте при предъявлении справки, в которой причиной пропуска трёх рабочих дней указан аборт. Ей проще, возьмёт отгул после ночной смены и получится три дня на... Такое ненавистное слово!

Ина ещё раз глубоко вздохнула и закрыла глаза, решив заспать неприятные мысли, но тошнота заставила встать и пойти на кухню ставить чайник. Через несколько минут он, закипая, забулькал: пррро-ббб-лем-мма! Она сняла чайник, заварила чай и вернулась в свою комнату. Где лимон? Сейчас она выпьет горячий кисленький напиток и придёт в норму.

С первым глотком стало легче, и мысли успокоились. Проблема есть, но зачем из неё трагедию разыгрывать? Есть выход: сделать аборт, вычеркнуть «Мастера» из своей жизни и ждать следующего подарка судьбы. Но подсознание сразу дало ей крепкий подзатыльник: после аборта детей может больше не быть! Это лишь вероятность, успокаивало сознание. Нет, даже малейшей вероятности Ина допустить не могла, сама не зная почему. Раньше в её головушке о детях даже мыслей не было, они все были заняты Алыми парусами надежды.

Сколько уж эти паруса её обманывали, подплывая к самому берегу, но с другим капитаном! И надо было Грину выдумать такую красивую сказку, которой обнадёжил миллионы девочек и почил, оставив их в полном недоумении, мяг-

ко говоря. Ждут-пождут Ассولي всего мира на своих бережках заветные паруса из алого шёлка, а потом, не дождавшись, выходят замуж за простых рыбаков или матросов.

У её матроса нет вопросов, а перед Иной он встал в полный рост. Не философский Гамлетовский, но по сути не менее трагический: «Быть иль не быть?» Быть, считало подсознание, зомбированное по какому-то тайному закону, и ставило точку. И эта точка была весомой, как кувалда.

Из глаз брызнули злые слёзы, такие злые, что смогли бы прожечь подол юбки, в котором скоро появиться ребёнок. Маленький и беззащитный... Её малыш, отца которого она не хочет видеть своим мужем. Но, для общества безотцовщина – стыд и срам! Быть или не быть? Пора биться головой об стенку.

Ина шваркнула пустую чашку об пол. Логика вела по схеме: если ребёнку быть, то надо выходить замуж, а замужество – это надолго, то есть навсегда, а навсегда – это ужас! Добровольно она готова была расстаться со свободой, но сейчас беременность заставляет это сделать насильно, что невыносимо. Неужели так внезапно и пошло закончился её свободный, пусть и мучительный, выбор мужа? Слёзы уже катились по щекам. Что делать? Можно съездить в Москву к Зинаиде Фёдоровне за поддержкой, если быстро принять душ. К моменту её приезда тётя как раз придёт с работы. Всего два часа пути.

К подъезду дома Ина подошла чуть раньше тёти, а та, уви-

дев её, обрадовалась:

– Ина, как я рада тебя видеть! Ты с тортиком? Прекрасно, сначала попьём чай, поговорим, а то потом вернутся девочки с тренировок, будет не до разговоров.

– Значит, аборт делать не хочешь. Правильно, – одобрила тётя, выслушав её.

– Не могу! А за этим следует... – Ина вылила на голову тётя все свои сомнения. – И уже не будет возможности встретить того единственного любимого, с которым пошла бы под венец, хоть терновый. А сейчас, возможно, я сломаю не только свою, но и чужую судьбу.

– Игоря, что ли? Не ломаешь, а украсишь: ты для любого мужчины подарок, – очень убедительно сказала тётя, чем очень смутила Ину, сомневающуюся в этом. А та продолжала говорить, – По поводу «единственного» – заткни свой романтический фонтан. Ты обнаглела совсем, судьба избаловала тебя кучей предложений, все – не то! Единственного ей подавай. Такого надо заслужить, такого надо по всему миру искать, а ты сидишь на заднице в занюханном городке и книжки читаешь. В Москву перебраться не пробовала, пойти в стюардессы не решилась, за изучение английского языка не взялась. А могла бы летать по всему миру и искать своё неземное счастье, – тётя усмехнулась и добавила, – возможно, до седых волос. Расслабься и рожай, это в твоём возрасте самое главное счастье. Ты говоришь, что с парнем тебе комфортно, любит тебя, с квартирой, учится. Твой вари-

ант. Смотрю на тебя и думаю: никто так много не жалуется на судьбу, как её избранники. Может поблагодарить её? Только беременность заставит тебя выйти замуж. Скажи ей спасибо и улыбнись.

– Трудно благодарить, когда она лишает тебя выбора.

– Возможно, лишив этого множества, она оставляет тебе один, но правильный, – очень убедительно сказала тётя. – Однажды в роддоме я услышала от верующей соседки, что дети сами выбирают родителей. Она много чего интересно наговорила, но я запомнила только это. Выбору вашего ребёнка не помешало даже то, что вы предохранялись. Это какая же сила и желание родиться именно от вас!

Ина задумалась. Неужели это и впрямь так? Не мы выбираем – нас выбирают. Выбирают и посмеиваются сверху над каждым, кто возомнил, что его судьба в его руках. С другой стороны, зачем искать какие-то тайные смыслы произошедшего, если это всего лишь обыкновенный случай. Нет, все твердят: судьба! И что это за понятие?! Упал кирпич на голову – это судьба. Не упал – не судьба. Смешно!

– А что Игорь? – спросила тётя, уже крутясь волчком у плиты. – Небось, затаился, как нашкодивший котик?

Ина рассмеялась сравнению и ответила:

– Растерян. Как и все в такой ситуации. Я чувствую.

– А любовь? Ты говорила, что любит...

– А любовь... Любовь осветила его жизнь, а потом прислала счёт за свет. Шутят так. Игорь, несомненно, мучает-

ся, ведь буквально за каждым углом сотни блондинок, и секс свободный и бесконечный. Мы оба влипли в положение...

– Семейное!

– Безвыходно семейное, – усмехнулась Ина.

– Сомнения не грех, а признак раздумий.

– Где вы этой гадости нахватались? Шучу, шучу... Высокие мысли. А дела-то мои низкие, прости господи.

– Низкие, когда сначала сделал, и потом – не подумал, – выдала тётя очередную мудрость. – Ты же думаешь всегда, когда надо и когда не надо. Сейчас всё уже произошло. Расслабься и рожай!

Тётя Зина накинула фартук, её руки замелькали между посудой, шкафчиками с продуктами, холодильником и плитой, и вот первый блин упал на тарелку.

– Смазывай маслом, – велела она ей.

– Знаешь, это всё от второго мужа в голове застряло: умный был... и занудливый! Первый и второй, как небо и земля.

– Да, у дяди Димы была одна коронная шутка после вашего развода: «Моя любимая Зинуля, покойница...» Это слово просто шокировало меня. Зайдёт к нам в гости и...

– Ни слова больше! Блины станут невкусными.

– Я просто продолжила тему, – заметила Ина, смазывая очередной блин и сглатывая слюну. Её даже тошнота оставила.

– Я тоже похоронила прошлое, больше места для буду-

щего. Тьфу ты, так говорил второй муж, – хихикнула тётя и шмякнула очередной готовый блин на тарелку.

– Ехала к вам и сравнивала наши судьбы: вы оба раза вышли замуж по любви...

– Ина, не сравнивай! У меня было только среднее образование и никаких перспектив, кроме замужества. Кровь молодая и горячая, толкающая в любой омут с головой. И судьба выцарапала из глуши Диму, мою копию, чтобы соединить нас. Вот и случилось счастье безумное. Любовь. Каникулы разума, как шутит моя старшая дочь.

– Безумное... Видимо, умного не существует, – вздохнула Ина.

– Тут её, в сердцах, дурой обозвала, а она мне в ответ: горе, мол, от ума.

– Грибоедова проходит в школе.

– Может быть, этот Грибоедов прав. У тебя очень разумная головушка, которая сделала свой выбор: институт. Ведь работа стюардессой совсем не гарантия счастья. И, поверь мне, замужество по любви – тоже. Где сегодня моя любовь и счастье навек? Остались от них два ребёнка и разбитое корыто. Мне мама говорила, когда был вариант выйти замуж без любви, но с гарантией благополучной и стабильной жизни, что любовь для бедной девушки – недопустимая роскошь. Я обиделась, возмутилась, сделала всё наоборот и побаловала себя такой роскошью. Теперь плачу по счетам. По двум счетам.

– И не горюете...

– Нет, и тебе не советую: это горюшко – не горе. Ина, ты жива, здорова, любима, новую жизнь в себе носишь. Радуйся всему этому!

– Могу не носить и радоваться, – возразила Ина.

– А вот здесь бабушка надвое сказала... при таком сроке. Не рискуй, выходи замуж и забудь пока про эту чёртову любовь. Жизнь длинная, ещё встретишься с ней. Если она и перемелет в своих жерновах, как меня, то ты не пропадёшь с двумя дипломами.

– При чём тут дипломы?

– Потом поймёшь. Я сто раз вспомнила слова матери, когда решилась на предложение последнего друга, начальника. Думаешь, после сорока не хочется снова любить самой? Только сейчас засунула это хотение в одно место и позволила любить себя. Нисколько не жалею.

Ина возвращалась домой на последней электричке в почти пустом вагоне и перебирала такой важный для неё разговор. Тётя Зина молодец, она умело расставила все точки над Ё, исчез в душе хаос и растерянность, дорога впереди почти определилась. Почти, потому что внутри в предсмертных муках всё ещё металась крамольная мысль свернуть с неё. Куда, если её загнали в тупик? Кто и что? Мама, ждущая замужества дочери, выскочивший откуда-то Игорь, её и его гормоны с плакатами немедленного взаимодействия, ослепшие врачи... В такой ситуации ей остаётся только од-

но: превратить этот тупик в взлётную полосу для рождения новой жизни. Она готова к этому! А как пройдёт испытание на отцовство Игорь? Это Ину волновало уже гораздо меньше, чем изматывающий её токсикоз.

У Игоря был почитатель Вовик, худой и не блистающий красотой умный мальчик, сын известной в городе семьи акушеров-гинекологов, вместе с которым он иногда приходил к ней в гости. Однажды Игорь чем-то хвастался, а Вовик сказал ей со смехом:

– Не верь ему, Ина! Он врёт, как Троцкий.

Ина только посмеялась над таким неожиданным сравнением, не вняв совету... Именно через Вовика Игорь обратился за помощью к его матери, когда токсикоз её совершенно измотал. Лидия Ивановна, маленькая женщина с ничем не примечательной внешностью, немедленно положила Ину к себе в отделение и отнеслась, как к дочери, что растрогало до слёз. Обследования показали, что беременность протекает нормально, кроме угрожающе низкого гемоглобина. Лидия Ивановна сама принесла Ине печёночный паштет и гранатовый сок, которым её одарил грузинский муж пациентки.

Уже через десять дней Ина почувствовала себя лучше. Игорь приходил к окну, улыбался и махал ручкой. Она смотрела на него и никак не могла постичь того, что носит под сердцем его ребёнка. В очередной раз он пришёл с матерью. Они пытались что-то ей сообщить через двойные оконные рамы, но Ина ничего не поняла. Минут через десять к ней

в палату с торжественным выражением лица вошла Лидия Ивановна и сказала:

– Ина, я тебя выписываю. Мчись за белым платьем и фатой. В эту субботу у вас с Игорем состоится регистрация брака и свадьба! Мы с мужем приглашены в качестве гостей, а наш сын будет свидетелем. Поздравляю! Не смей отказываться!

Параллельный мир, в котором очутилась Ина, становился реальностью. И в нём ей придётся жить вместе с Игорем до скончания века. В это трудно было поверить и страшно принять.

Недавно Ина прочитала повесть Бориса Балтера, полную светлой щемящей ностальгии по юношеской любви. Теперь ей осталось с такой же невыразимой грустью сказать: «До свидания, мальчики», потому что их больше никогда не будет в её личной жизни. Что думал Игорь перед свадьбой? Пока никто не написал даже маленького рассказика с названием «До свидания, девочки». Но, если бы написал, да специально для него, то напрасно: Игорь, как обнаружила Ина, книг не читал.

В конце марта они расписались, свадьба была скромной – только близкие друзья. Комфорт отношений, уже с мужем, не исчез. Потом гороскопы объяснят это гармонией слияния Ины – Земли и Игоря – Воды. Земли, напитанной влагой, и Воды, нашедшей, наконец, свою форму. Теперь от обоих зависело, будет ли их брак тихим озером или бурной рекой.

На эту тему можно долго фантазировать, забывая о том, что гармония в семье может сломаться всего из-за одной совершенно неприемлемой черты характера или дурной привычки одного из супругов.

Ина написала родителям, что вышла замуж на Новый год, солгав во спасение. Просила прощения за то, что не пригласила их на торжество, решив устроить настоящую свадьбу у них в деревне в июле и предупредив, что будет с животиком. Маму, которая уже перестала надеяться на замужество дочери, она наконец-то осчастливила. Её ожидания и переживания стали одной из причин замужества Ины, если не считать случившейся беременности. Если бы не последняя причина, так «мастерски, устроенная прожжённым знатоком предохранения», они бы с её «Рыбкой» разбежались через год без особой печали.

Сегодня, когда Ина смотрит на дочку, она принимает свою беременность и замужество полностью и с великой благодарностью. Иначе быть не могло и не должно. Если всё это устроил Случай, значит это Божественный Случай.

Муж не носил Ину на руках, зато сам готовил и её учил кулинарному искусству, стоящему у него на втором месте после сексуального. Он оказался не только красивым, весёлым, но и домовитым. Тем не менее при встрече уже на одной жилплощади, они всё ещё с недоумением и растерянностью смотрели друг на друга.

В мае Ине дали путёвку в дом отдыха Феодосии, уж очень

бледный был у неё вид. Она всё ещё никак не могла прийти в себя от того, что она теперь жена и скоро станет матерью. Холерик, живущий в ней, продолжал пребывать в шоке, потому что рулил на мопеде её жизни совершенно в другую сторону. Где та искра, которая должна была пробить все внутренние органы у обоих?! Почему именно этот студент из сотен других?! И почему студент, которых они категорически игнорировали, при этом абсолютно не веря в то, что браки совершаются на Небесах. Сангвиник, напротив, праздновал победу, потому что она вышла замуж за того, кого Бог послал, и вовремя: муж всего на два года моложе, позже шёл уже поток младенцев.

Последняя запись в дневнике: «Если у тебя не получилось жить с тем, кого любишь, тогда люби того, с кем живёшь. Это тот самый вариант – без вариантов, потому что у меня будет ребёнок! Неожиданно, удивительно, но это событие стало вдруг главным смыслом жизни, затмив все остальные, показавшиеся мелкими и незначительными. Я буду мамой!»

В доме отдыха она пила «железо» горстями, как советовала Лидия Ивановна. Железо мало усваивалось, и она гнала из себя нескончаемый «чёрный прокат».

Май в Феодосии – время сильных ветров. Только в период затишья она выходила на пляж, вырывала в песке ямку для своего выпуклого животика, ложилась спиной к солнышку и наслаждалась. Единственное за совместную жизнь письмо мужа на нескольких листах перечитывали все женщины, жи-

вущие с ней в десятиместном номере.

– Инка, дай почитать послание, что-то тоска заела, – про-
сила соседка справа, которая приехала в дом отдыха сразу
после развода. – Повезло тебе с мужем, – вздохнула она, про-
читав письмо.

– Что, завидно? – подколола другая соседка, кажется,
одесситка. – Сердце лифчик рвёт на части: есть у всех семья
и счастье.

– Не завидно, просто и меня любил мой бывший. Приятно
вспомнить. Куда что делось?

Потенциальная свекровь как-то спросила Ину, любит ли
она её сына. Ина сказала «да» и не соврала. Она любила Иго-
ря, потому что его невозможно было не любить как друга,
как классного партнёра по сексу, как весёлого и открытого
человека. И всё-таки, по большому счёту, соврала, потому
что в глубине души знала, что не любит Игоря так, как меч-
талось и хотелось. И он её тоже...

Где сегодня те романтические наивные времена, когда
брак без страстной взаимной любви считался «браком». Се-
годня он превратился в спасательный канат как для тех, кто
утопает в нищете, так и для тех, кто катается сыром по мас-
лу, но таким способом приумножая свои богатства. «Никто
не плачет и не рыдает, на все вопросы откровенно отвеча-
ет...»

Мир давно изменился с тех стародавних времён, но неко-
торые юные девушки продолжают сгорать в огне секса,

как бабочки, хотя информированы и предупреждены всеми средствами информации и усыпаны всеми средствами для безопасного наслаждения.

– Я беременна, – сообщают они партнёру по постельным играм внезапно, как раньше, так и теперь для всех дурынд, ошеломительную новость.

– Я предупреждал, что не готов стать отцом! – отвечает сегодня партнёр и исчезает без малейших угрызений совести. И он прав. Мальчики поумнели, пора уметь и девочкам.

Как только Игорь собрался жениться, его отец, весьма уважаемый на заводе начальник, решил расширить свою жилплощадь, и ему предложили переехать в трёхкомнатную квартиру, оставив себе двухкомнатную, или взять на всех четырёхкомнатную. На выбор. Имело смысл отдать старую квартиру будущей молодой семье.

Для строптивой Ины это было бы спасением от множества проблем, но её разум лишился аналитической способности из-за жуткого токсикоза, оставив одну контрольную мысль: справится ли она одна с ребёнком? Ина посчитала, что жить с родителями мужа будет спокойнее: как-никак близкие люди. То, что они могут стать совершенно далёкими от сына и его семьи не могло присниться даже в самом страшном сне.

И отец Игоря получил на всех квартиру с четырьмя отдельными комнатами прямо напротив института. Там же за институтом он вскоре получит и садовый участок. Ор-

лом был свёкор, ногой открывал любые двери. Почему они не переубедили её в выгодности другого варианта, она так и не поймёт. Возможно, свёкрам польстило её решение жить вместе, довериться им. И на старуху бывает проруха. Всегда, вспоминая эту ошибку, Ина будет биться в припадках самобичевания: столько обид можно было бы избежать.

Через много-много лет она оглянется назад и поймёт, что та «ошибка» прошлого буквально спасёт её будущее. Как тут не поверить в мудрую Предопределённость, которая высоко сидит, далеко глядит и выбирает для человека самый оптимальный вариант жизненного пути.

Первые обиды

*Капризнее беременной женщины может быть
только беременный мужчина.
(Народный юмор)*

Ина и Игорь сдали весеннюю сессию. Игоря направили на первую практику в пионерский лагерь, а Ине дали очередной отпуск, за ним шёл уже декретный. Их ждали в деревне, где готовилась пышная свадьба. С этой практики муж обещал сбежать, но совсем не поехать он не мог. Мог, считала Ина и неделю прорыдала в подушку от обиды. Свекровь однажды не выдержала, зашла к ней и сказала:

– Ина, в твоём положении надо плевать на всё с высокой колокольни. Сходи на прогулку в наш сад или в парк!

Ина, считавшая себя толстой, нет – очень толстой и некрасивой, поплелась в парк. Там она встретила знакомую с коляской, которая ещё в прошлом году окончила институт, и наговорила с ней от души, выплёскивая свои обиды на уехавшего мужа.

– С практики не сбегают: там весело, – подлила масла в огонь знакомая, – сама крутила на ней роман, как оказалось, с женатым. А беременность и рождение ребёнка – первое испытание молодой семьи. В этот период чаще всего мужья оказываются не на высоте, а жены накапливают ворох

обид, шлейф которых тянется через всю жизнь. Выходим замуж в розовых очках в полной уверенности, что твоя семья станет исключительным чудом среди остальных... и ошибаемся. Что удивительно, столько примеров несчастных семей знаем, но забываем о них напрочь, как только замаячило впереди свадебное платье.

– Я почти год встречалась со своим, была уверена, что любит.

– Почему бы не любить молодую симпатичную девушку? Легко. Труднее – продолжать любить беременную и от этого некрасивую. Вообще понятие «любовь» совсем не из этой категории, оставим её настоящему и очень редкому чувству. И я, и ты, надеюсь, это понимаем. У меня было много времени об этом подумать после развода.

– Интересно, как назвать категорию чувств, когда предлагают руку и сердце уже беременной девушке?

– Скоро сама разберёшься, а лучше живи и не разбирайся. Закрой глаза, заткни уши и будь счастлива.

– От разговора с тобой складывается такое впечатление, что ты прожила сто лет. Меня свекровь так же утешает – не обращай внимания, три к носу. Я почти твоя ровесница, но внутри бурлит котёл из таких противоречивых чувств, что диву даюсь.

– У тебя котёл бурлит, а мой – взорвался. От взрыва осталась истина о мужчинах и женщинах. Безнадёжная. Не пугайся – это только для меня. Я вышла замуж девушкой, сва-

дьяба была шикарная. И что? В этом парке выгуливал меня беременную, зашли на танцы, встретили его друзей с подругами. Смех, шутки, вино... еле увела от них. Обидно было жутко – он меня стеснялся! Моё лицо все в коричневых пятнах было, живот огромный, как у тебя.

Молодая мама замолчала надолго, чувствовалось, что та обида душит её до сих пор. Потом она снова заговорила, рассказав, как муж повёл её домой, но потом посадил на скамейку и попросил чуть-чуть подождать, забыл, мол, номер телефона у друга взять. Прошло около часа, уже и танцы кончились, мимо пошла парочками, группками молодёжь, а муж не возвращался. Она поверить не могла в то, что можно бросить в тёмном парке беременную женщину, жену!

– Я до сих пор не могу понять, как такое возможно?! Так долго добивался меня, клялся в любви, а через год вдруг разлюбил и бросил! Почему?

Ина вздохнула и ответила:

– Потому что «Мы сами женщин делаем такими, каких любить уже не в силах мы», признался Евтушенко. А ты, женщина с животом, свободна! Для меня впервые одиночество так обидно. Почему беременность делает нас такими уязвимыми и незащищёнными? Почему в голову лезут глупые мысли и заставляют сомневаться в порядочности мужа?

Собеседница Ины продолжала крутить свою пластинку воспоминаний:

– Я в тот вечер вернулась домой одна, ночь почти не спа-

ла, столько всего передумала... Вернулся мой муженёк домой только на следующий день вечером, наврал мне с три короба и посчитал, что оправдался. Он был абсолютно уверен, что беременная жена никуда от него не денется. Я развелась, потому что жить с такой обидой внутри всю оставшуюся жизнь невыносимо, а с человеком, который её нанёс, и подавно. После развода попала прямо в больницу, где женщины и не такое о мужьях рассказывали, но не разводились. Многие мужей прощают, а я не смогла.

– А как он?

– Он не ожидал от меня такого решения, оно его до такой степени разозлило, что он с удовольствием признался мне, что провёл ночь с бывшей девушкой! Просто так! Получается, что он любил, женился, изменил уже беременной жене... просто так. Отцовство многим не по плечу. Надо иметь мужество не только кататься, но и сани возить.

– Любишь кататься – катись подальше? – Ина хихикнула. Помолчала и с горечью сказала, – Женщины изначально и очень несправедливо поставлены в неравные условия по сравнению с мужчинами. Они катаются, мы – сани возим. Они – спринтеры, мы – марафонцы.

– Это условия нашей природы. Прими её и терпи.

– Принять это трудно...

Ина возвращалась из парка и вспоминала, как Ингу муж всю беременность за ручку водил, морковкой кормил. Бывают исключения, думала она, засыпая. Хотя и её муж по-

сле работы встречал, сажал в кресло, снимал с её опухших ног обувь, кормил. Почему он не смог что-нибудь придумать, чтобы остаться рядом? Спокойно принимать реалии брака, далёкого от романтики, не получалось. Мысль о том, что она, как и муж, не готова к нему, ни разу не пришла в голову.

Кончились две недели практики Игоря, и они уехали в деревню, где их ожидало свадебное торжество. Её отпускных хватило на подарки, на дорогу и на новое платье. Оно было сшито ею в стиле кантри, с талией под грудью и массой кружев по горловине и низу платья. Получилось здорово. Живот был скрыт шириной клёша, длина до щиколоток удлиняла фигуру.

Родня осталась довольна и женихом, и невестой. Только некоторые из них не преминули упрекнуть Ину в том, что не позвала маму с папой на свадьбу в К*. Она винулась, как могла.

Потом уже её мама, Мария Михайловна, все-таки увидела мартовский штамп о браке в паспорте дочери, и всё поняла, и всё простила: не дай бог, если бы деревня узнала, что беременность предшествовала свадьбе! И тем не менее она призналась:

– Ина, я немножко обиделась. Уж меня ты могла бы заранее предупредить...

– Мамуля, я написала, когда всё стало ясно с беременностью и с замужеством. Написала бы тебе о свадьбе, а потом передумала, вот уж позлословили бы тогда деревенские ку-

мушки!

– Да никто ничего и не понял. Я, между прочим, сообщила о твоём замужестве только соседке Лиде. По секрету, – сказала мама и хитро улыбнулась. – Та аж закричала: «Ина вышла замуж в Новый год? И ты так долго молчала!»

– А кому до этого дело? – притворилась я. – А Лида страшно возмутилась и доложила: «Кому дело?! Да замужества твоей Инки давно все ждали и уже устали по этому поводу языки чесать. Подруги её давно детей нарожали, и ей как-никак двадцать пять лет!»

– Двадцать четыре, – поправила я.

Ина с улыбкой слушала маму и радовалась тому, что самую «страшную катастрофу» они с ней предотвратили, но деревня с пристрастием стала изучать Игоря. Муж вёл себя правильно, старался смотреть на неё с обожанием.

Соседку Леру, приехавшую в деревню погостить, тоже пригласили на свадьбу. После первой выпитой рюмки водки она едва ли не висла на шее Игоря. По-дружески!

Ина вспомнила, что именно от неё получила первую информацию про «это». Они со своим старшим братом как-то рано созрели, пытаясь соблазнить и Ину сочным плодом Древа познания, но она оказалась позднеспелым сортом.

В последнюю их встречу, тоже летом, Лера была не так беззаботна. Её отец ушёл от матери, измученной тяжким трудом на скотном дворе, к более молодой и горячей женщине, а возмущённая этим Лера пила самогон и пыталась бить

стёкла в окнах разлучницы.

В те дни прибыл на побывку из армии двоюродный брат Ины Витя, и его небесно-голубые глаза моментально свели Леру с ума. Она завлекала его страстной натурой и материальными благами: мать даёт ей в приданое деньги на машину! Скромный и очень стеснительный Витя не выдержал и сбежал из деревни раньше срока. На этот раз Лера самым беспардонным образом напала на Игоря, который, отразив пару её атак, решил больше не отходить от Ины.

Отпуск кончился. Они с мужем уезжают. Лера – тоже. Подошёл автобус. Ину пропустили вперёд, она села и заняла место Игорю, но рядом бесцеремонно сел бывший одноклассник, желая немедленно расспросить её обо всём. Игорь вошёл последним. Свободное место оказалось только рядом с Лерой, которая с радостью усадила его рядом с собой. В Ине снова зазвенели тревожные колокола тщательно скрываемой уязвимости. «Вышла замуж и разводишься, если не нравится», – каркнул ехидный внутренний голос, и в этот момент в ней шевельнулся ребёнок. Ина погладила живот, успокаивая его и себя, осознавая бесконечную ответственность перед новой зародившейся жизнью...

Роды

*Материнство – святая миссия женщины.
(Творец)*

Беременность Ина переносила тяжело, и иногда ей хотелось расстрелять свою женскую природу за то, что поторопилась поставить её на шахматном поле жизни в Дамки, лишив поиска туманных грёз и смыслов. Потом она успокаивалась, усилием воли заменяя все свои предыдущие смыслы самым главным для женщины: продолжением рода человеческого.

Как только было принято окончательное решение рожать, Ина запретила себе дёргаться, начав готовиться к появлению на свет своего малыша. Ради него она вышла замуж, согласилась жить с родителями Игоря, съездила на море, чтобы укрепить здоровье, и приготовилась стоически принимать существующую реальность.

Игорь больше не млеет от её фигуры и миловидности, но это бывает сплошь и рядом. Он не работает, зато она, Ина, получает достаточно, чтобы прокормить двоих. Свёкры не умиляются и не окружают её пуховыми подушками доброты, но приняли, дали их семье комнату, которую можно превратить в уютное гнёздышко.

На свадебные и остатки декретных денег Ина с помощью мужа обновила обои, с трудом отыскав более или менее при-

личные, купила трёхстворчатый шкаф, широченную тахту, не найдя ни в одном магазине дефицитного раскладного дивана, повесила шторы, за которыми пришлось ехать в Москву. Комната преобразилась.

Свекровь была потрясена выбором обоев, бежево шоколадного цвета с рисунком под кирпичную кладку, но именно они заиграли в их светлой комнате, придали ей камерность и даже благородство. Скоро и сами свёкры стали с удовлетворением демонстрировать комнату сына и невестки своим гостям.

Мария Михайловна приготовила своей доченьке Ине приличное приданое: дождались своего часа китайские покрывала, двуспальные простыни и пододеяльники, как и ковёр, который Ина положила на пол, а не повесила на стенку. Два кресла и журнальный столик были дополнены картиной-аквариумом с подсветкой: внезапным увлечением мужа. Чешские полки прекрасно смотрелись на парадной стене, сверкая подаренными бокалами и книгами.

Эстетическая потребность Ины была удовлетворена полностью, но вечный голод, в прямом его смысле, она никак не могла утолить, хотя её вес давно превысил норму. Живот стал таким огромным, что многие подозревали двойню.

Врачиха маленькой железнодорожной поликлиники, наблюдавшая её беременность, с самого начала не высовывала нос из книги. Ина заходила к ней в кабинет, молча становилась на весы, та отрывалась от чтения, фиксировала вес

в журнале и отправляла домой. Вскоре живот Ины стал трещать, как трещит рвущаяся материя, что очень перепугало.

– Ничего страшного, – успокоила её врачиха, оторвав голову от очередного романа, – просто растягивается кожа на животе. Купите в аптеке бандаж.

А раньше сказать не могла? Этот бандаж помог Ине не потерять живот на последних месяцах беременности. Вскоре начались другие проблемы. Ноги от отёков стали похожи на надутые шарики, боль в суставах не давала спать, сердце бухало кувалдой. Ночью Ина металась по всему пространству спального места, поэтому Игорь спал в щели между тахтой и стеной, а потом не выдержал её мук и снова обратился к Лидии Ивановне. Та сразу положила её в больницу на сохранение.

– Куда смотрел твой врач! – возмущалась она, назначая спасительные уколы, после которых Ине стало гораздо легче.

После денежной благодарности Лидия Ивановна пообещала принять и роды. Стало не так страшно. А зря. Двадцать второго сентября во второй половине дня отошли первые воды, которые жутко напугали Ину. Оказывается, что в то время были курсы для беременных и курсы по уходу за ребёнком, но почему-то никто из врачей её туда не отправил, чтобы подготовить к важному событию. Хорошо, что свекровь в это время вернулась домой из сада, всё объяснила и сказала: «Собирайся в роддом».

Вовремя пришёл с работы Игорь. В конце августа он пе-

ревёлся на заочный факультет и пошёл работать слесарем на станкостроительный завод, на глазах превращаясь в мужчину. Отец устроил его в самый престижный цех, который на протяжении многих лет отсылал на экспорт станки-гиганты. Вместе с ними за границу уезжали слесаря, собирающие их. Впереди замаячила прекрасная перспектива, но начинать путь наверх надо было с самого низа. Игорь, став настоящим главой семьи, сразу взял в кредит телевизор, несколько не задумываясь об особом питании для беременной жены, предстоящих тратах на роды и жизнь после них, поэтому они продолжали жить только на деньги Ины. Тем не менее он обещал дать Лидии Ивановне сто рублей, чтобы та приняла у неё роды, чем и успокоил.

До роддома Ина под руку с Игорем еле дошла, после подготовительных процедур её положили в десятиместную палату с девятью роженицами. Она присела на железную кровать с сеткой и провалилась чуть ли не до пола. Пришлось лежать в ней, как в гамаке. Лидия Ивановна зашла к ней перед концом дежурства.

– Раскрытие хорошее, через пару часов родишь, – спокойно сообщила она и ушла.

Ина не сомневалась, что она к ней вернётся. Серьёзные схватки начались в десять часов вечера, а Лидия Ивановна не приходила. Приступы боли стали уже невыносимыми, но никто к ней не подходил, как и к остальным охающим и стонущим роженицам. В этот момент Ина в полной мере

осознала своё полное одиночество и ненужность: родит – хорошо, помрёт – похоронят... Мысль мелькнула и заглохла от очередного приступа боли. Время исчезло, остались только они.

Ина еле сдерживала крик, ей было жалко себя, но больше – малыша, который в таких муках пытается явиться на свет божий, а его никто не ждёт. Видимо, его папенька не нашёл каких-то поганных ста рублей, чтобы врачи и медсёстры помогли сделать из его рождения праздник. Шалопай, баламут, свистун, оболтус!

Ина с трудом вылезла из гамака и выглянула в коридор. Он был пустынным. Если Лидия Ивановна не пришла, то вместо неё кто-то же должен прийти!? Не пришёл никто. Отошли вторые воды.

Сейчас Ина понимает, что надо было отыскать акушерку или сбросить матрас на пол и рожать на нём. Сразу бы появились, суки. И родила бы без проблем.

Где-то в полночь в палату пришла совсем молоденькая медсестра и... легла спать на свободной койке. Терпеть уже не было сил, и Ина обратилась к ней. Та сделала ей какой-то укол и снова легла спать. Пять рожениц заснули, три продолжали ходить по палате и стонали, а она лежала на мокрой клеёнке, почти теряя сознание. Как дожила до утра, не помнит.

Пришла и Лидия Ивановна, которая была потрясена тем, что Ина ещё не родила.

– Вторые воды, когда отошли? – спросила она нервно.

Ина молчала, сил не было даже говорить.

– В родильную, отвезти срочно!

Ину повели.

– Вы с ума сошли! Я же приказала отвезти! У неё ребёнок уже между ног!

Наконец, Ина на родильном столе. Схваток уже нет. Ребёнок ушёл внутрь, потому что сильно обиделся и не хотел смотреть на это родильное безобразие. Только врачи знают, что такое роды на сухую.

– Тужься, тужься! – командовала сестра.

Боль ушла, а тужиться после бесконечно жуткой ночи не было сил. На соседнем столе возле второй роженицы началась паника: ребёнок шёл неправильно. Вызвали заведующего. Интересно, почему он не знал заранее о предстоящих сложных родах?! Ина с любопытством наблюдала, как он примчался и начал спасать положение. – Тужься! – уже злобно приказывала и ей пожилая акушерка.

Ина честно изображала потуги, но бесполезно. Ей сделали укол. Процесс пошёл оживлённее. Живот исчез, она родила.

– Девочка, почти двухмесячная! – услышала Ина восторженный голос...

Её доченька заголосила басом. Бедное дитя... Врачи – сволочи...

Вопреки им, 23 сентября 1973 года в десять часов утра, в день осеннего равноденствия случился праздник! Родилась

новая жизнь, и старая не загнула. Чудом.

Дочку Ины унесли, а про неё опять забыли. Она лежала перед огромным окном, из которого невероятно дуло. В бедре торчала иголка от шприца. Паника на соседнем столе прекратилась, видимо, несчастная все же родила. Через пятнадцать минут к Ине подошёл молодой врач и стал зверски зашивать порывы.

Наконец нянечка повезла её на каталке в палату. Белье на койке было чистым. Нянечка посмотрела на него и решила выдавить из живота Ины излишки крови. Маленькой женщине было неудобно, она встала на табурет и угрожающе нависла над ней. «Вот и пришла моя смерть...» – равнодушно подумала Ина. Нянечка обрушилась на живот, и из чрева с бульканьем выпрыгнуло что-то большое и тёплое.

– Сволочи! – прошипела уже нянечка.

На другой день в их огромную послеродовую палату пришёл врач и доложил результат общих потуг этой кошмарной ночи, которые разрешились родами только утром, когда врачи выспались. Ина услышала данные своей дочурки: вес 4 килограмма 200 грамм! Остальным до неё было далеко, максимум дотягивали до 3,200, что и есть норма. Стало прибывать молоко, пришла медсестра и прочитала инструкцию о кормлении, после чего им принесли деток.

Дождались! Произошла долгожданная и осознанная встреча Ины с дочкой. Она взяла на руки свёрток с малышкой, только что бывший её плотью, испытывая счастье

и тревогу одновременно: справится ли с первым кормлением, возьмёт ли доченька грудь? Ура, получилось! Малышка стала сосать, а она – рассматривать своё чудо. Носик, глазки, губки, бровки, волосики... Красавица! Её! Жаль – вернуть не дали.

Ина успела покормить свою девочку только один раз, потому что у неё подскочила температура. Видимо мало попрыгала на её животе нянечка, дай ей бог здоровья. Пришлось сделать чистку, хорошо под наркозом, иначе хана котёнку.

Очнулась она от боли в набухшей груди, на тумбочке стояли цветы и пакет с едой. Муж принёс цветы, а свекровь – кефир, толстую сардельку и мягкий белый хлеб. Ина ощутила зверский голод и проглотила, не жуя, сразу всё. После этого её смогла спасти от смерти только кружка Эсмарха, выданная ей, как нечто недоступное и драгоценное. Слава бесплатной советской медицине!

Пришла Инга, которая рассказала, что рожала одна, акушерка не отходила от неё и вовремя повела на родильный стол. Только из этого разговора Ина узнала, что и у неё акушерка должна была быть, но не была. Ей не повезло. Скандальная картина одного художника, увиденная ею лет через пять после родов – идущие по коридору врачи в развевающихся забрызганных кровью халатах с окровавленными руками – чистая правда.

В одном из них она узнала хирурга, вырезавшего ей глан-

ды, во втором, в менее кровавом халате, – акушеров-гинекологов их роддома, а с третьим, у которого в руках топор, лучше вообще не встречаться.

Вскоре пойдёт мода рожать дома в ванне. С чего бы это?

Ина – мама

Быть матерью нелегко. Будь это легко, его мог бы быть и отец.

(Из американского сериала «Золотые девочки»)

Дома Ину с малышкой всё-таки ждали. Игорь обещал купить новую коляску, но не купил, потому что её подарила новорождённой внучке свекровь. Старенькую. Не о такой Ина мечтала, но искренне за неё поблагодарила. Патронажная сестра не замедлила явиться и дала все инструкции и наставления по уходу за новорождённой. Впервые с момента беременности советская медицина оказалась на высоте. Всё стало на свои места, исчез страх полной непросвещённости, в которой Ина пребывала до сих пор. Оказалось, что она и одна вполне могла справиться с ребёнком.

Назвали дочку Еленой. Ина обожала мифы Древней Греции, в которых говорилось, что от брака Зевса и Немесиды (крылатой богини возмездия), родилась Елена Прекрасная – совершенная красота, за внимание которой сражался весь героический мир. Елена в переводе означало – солнечная, светлая.

Алёнка очень быстро набирала вес, а Ина его теряла: с родовых семидесяти с лишним килограммов стала весить пятьдесят и продолжала планомерно худеть. Иногда хотелось

лечь и никогда не вставать, но с ребёнком не полежишь даже ночью. Через год в ней осталось около сорока шести килограммов, зато Алёнка не болела ни разу.

В июле Игорь ушёл в свой первый отпуск, и они всей семьёй поехали в деревню. Родители наслаждались общением с внучкой, позволяя Ине только есть, спать и кормить дочку грудью, окружив лаской и добротой по полной программе. Игоря тоже баловали, стараясь угодить зятю во всём. В первый свой приезд он поразил их в самое сердце, построив за три дня до свадьбы туалет с сиденьем. И не только их, а и всех, кто пришёл на торжество. Дядя Миша, посетив сооружение, сказал: – Да! Не туалет, а памятник. «К нему не вырастёт народная тропа!»

Уже через три дня Ина повела Игоря за грибами в дальний лес, потом потащила его на прогулку по цветущему лугу к реке, чтобы поплавать вместе с ним в одной из её тихих заводей, но деревенская пастораль его не вдохновила.

Мария Михайловна уговорила Ину прекратить кормление грудью:

– Доченька, ты состоишь только из неё и кругов под глазами, подумай о себе! Посмотри на Алёнку, она скоро перегонит тебя в весе.

Ина перетянула грудь, через неделю молоко перегорело без всяких последствий, а Алёнка с удовольствием стала пить коровье, после чего родители решили отпустить их с мужем на юг к морю и даже спонсировали этот вояж. Игорь

от такой непривычной щедрости впервые вдохновился. С набором из зажаренной курицы, копчёностей, домашних колбас и варёных яиц они отравились в дорогу. В самый разгар летнего сезона кемпинг в Лазаревском был вполне сносен для отдыха, но Игоря очень скоро стали бесить комары, очереди в столовую и полупустой кошелёк, который ограничивал желания. Если бы не его недовольство, то все десять дней отдыха стали бы для Ины счастьем.

Вернувшись в деревню, они застали идиллическую картину: их пухленькое чадо ходило по периметру большого низкого манежа, сделанного из гладких брёвнышек в центре двора, сверкая голой загорелой попкой. Алёнка разгоняла надоедливых кур, визжала от удовольствия при виде маленького поросёнка, выпущенного из сарая на солнышко. Без них она явно не скучала.

Игорь снова был недоволен, потому что в четыре утра его будила перекличка деревенских петухов. Орали они от души. Сначала один начинал кричать о том, что солнце встало, другие радостно подтверждали сие ежедневное чудо. Ина спала как убитая. Мало того, их петух и днём, когда они с мужем дремали после сытного беда, начинал орать своё «Ку-ка-ре-ку!» уже без ясного повода, но под самым окном, запрыгнув на штaketник. Ина смеялась, слушая сначала петуха, потом возмущение мужа.

Отпуск кончился. Дома Ина выстирала пропитанные грудным молоком пуховые подушки. Да, молока этого хва-

тило бы не на одного ребёнка, ночью грудь не выдерживала его напора и отпускала наружу. Приобретённый невероятными усилиями холодильник впервые наполнился курами, яйцами, салом и овощами. Свекровь вовремя отлучила их от своего, как раз в последние месяцы беременности Ины, когда она готова была съесть всё подряд. Как тут не испугаться, да во времена дефицита продуктов?

С другой стороны, дефицит существовал для Ины, а не для свекрови, которой колбаску и мясо приносили по блату прямо на дом, но она ни разу не предложила невестке купить что-то из принесённого. Видимо, знала, что денег у них нет. Чем-то она ей не угодила. Всего один раз Ина отрезала кусочек варёной колбаски из их холодильника, но Игорь этим же вечером был вызван на ковёр для выговора. Ина чуть со стыда не сгорела. Её мама закармливала зятя... Захотелось выскочить из своей комнаты и заорать, что в следующий раз она сожрёт всю колбасу, потому что их сын не может прокормить беременную и очень голодную жену! Ума хватило молчать, потому что сама вышла замуж за такого, и глупо винить за это других. Они с мужем не голодали, но их супчики были жиденькими, кусочки колбаски к гарниру прозрачными, а фрукты вообще отсутствовали.

Ина помнит, как своим беременным летом смотрела из окна на только что завязавшиеся яблочки на яблонях во дворе их многоэтажного дома и исходила слюной. Доберись она со своим уже весомым животом до них, изгрызла бы

все до одного. При этом у свёкров был сад из нескольких яблонь, но Ину забыли туда пригласить... или был неурожай.

Через год после родов Ина начала давать Алёнке пюре из фруктов, покупая в магазине яблоки, похожие на зелёных уродцев, хотя сад свёкров в это лето выдал невиданный урожай яблок. Этот урожай они продали, а после продажи свекровь принесла внучке целый килограмм магазинных яблочек. На следующее лето уродила смородина, и свекровь сказала Ине с упрёком:

– Ина, я Игорю давно говорила, чтобы вы сходили в сад и собрали смородину. Вы не пошли, так я подруге предложила. Теперь не знаю, осталось ли после неё хоть что-то.

Игорь недоумевал, когда это мать ему говорила? Они вместе ринулись в сад. Мелкие ягодки остались! Собирать их замучались, но Алёнка так любила компот.

Чем же Ина не угодила свекрови? К отсутствию каких-либо родственных чувств к себе она уже привыкла и даже нашла причину такого отношения: она сама так и не назвала свекровь мамой. У неё, мол, мама одна! Угодить пыталась, отчистив буфет на кухне и плиту, но этим только зацепила самолюбие главной хозяйки дома. Тем не менее Ина продолжала намыывать полы не только в своей комнате, но и в общем зале, хотя этого никто не замечал. Вскоре Ина поняла, что и Игоря в семье не очень-то уважают. Может быть от того, что так долго сидел на их шее? Кто знает. Зато теперь он будет зарабатывать не только деньги, но и уважение. Для неё

это было очень важно.

Вскоре в гости к ним приехала мама, Мария Михайловна, с неподъёмным чемоданом продуктов. Она предупредила в письме о своём приезде, но телеграмму о том, чтобы её встретили, не дала, решив сделать сюрприз. Ина едва сдержала слёзы, когда не смогла даже приподнять привезённый ею чемодан, чтобы перенести в свою комнату.

Мама, мамочка. Миниатюрная до хрупкости, невероятно добрая и сердечная, она постоянно жертвовала своим здоровьем и красотой ради семьи, поэтому по сравнению со свекровью, своей ровесницей, казалась старушкой. При взгляде на её изрезанное морщинками лицо, наполовину седые волосы, спрятанные под платочком, полные потаённого сострадания глаза у Ины всегда сжималось от жалости сердце, поэтому она старалась хотя бы ничем её не огорчать.

Был организован торжественный стол, Мария Михайловна раздала подарки. Первое знакомство сватов состоялось. После демонстрации прекрасных взаимоотношений в новой семье Ине смешно было жаловаться матери на что-либо, хотя так хотелось поплакать в родную жилетку на своё сиротство и незащищённость вдали от них, от родного дома. Вот такая она взрослая жизнь, в которой иногда приходится изображать счастливую семейную идиллию. Самое странное, что изображать ничего и не надо было.

Игорь с самой первой встречи легко нашёл с тёщей общий язык, а она с умилением наблюдала, как он возится с ма-

ленькой внучкой и соглашается с любым желанием её дочери. Ина видела, что матери нравится их обустроенная уютная комната и их отношения с мужем, значит ей удалось убедить её в своём семейном благополучии. Этого Ине хотелось больше всего.

Неожиданно и у самой мелькнула странная мысль: неужели нелепая случайность, какой она считала своё замужество, оказалась счастливым случаем, а все её обиды – это всего лишь следствие послеродовой депрессии? Если бы не она, то её брак можно было бесспорно считать удачным. Разве каждый раз глядя на дочку, она не говорила «счастье моё»?

Позади бессонные ночи и кормление Алёнки по часам, её неловкое, а потом скоростное ползание: только успевай ловить. Позади муки с прорезыванием зубок и тревоги первых самостоятельных шагов. Для Ины это было время не только бесконечной усталости, но и безграничной нежности. Она с улыбкой вспоминала, как Алёнка сидела среди подушек на широкой тахте и усердно рвала кипу газет на мелкие кусочки, выделяя маме время на приготовление обеда. Чем больше газет, тем больше времени. В год пошла, потом заговорила на своём тарабарском языке.

Ина сама стригла дочку под «сэссон», самую модную причёску семидесятых годов, и не могла налюбоваться её густыми русыми волосами, её огромными серыми глазами в обрамлении пушистых ресниц, доставшимися от папы. Из-за них Ина заодно любила и его. Вместе с Алёнкой она вновь

возвращалась в своё детство, открывая вместе с ней мир сказок и чудес.

Вторая зима в жизни Алёнки запомнилась Ине первой сознательной встречей малышки с падающим с неба снегом. Снежинки были огромными. Алёнка сначала удивлённо растопырила глазёнки на ещё невидимое явление, а потом наклонила голову и побежала к ней спастись, чтобы эти белые падающие хлопья не ушибли её.

Она прижимала дочь к себе, смотрела на падающий пушистый снег и счастливо улыбалась, забыв на миг все трудности и тревоги материнства. Дома она уложила Алёнку спать, и не было ничего в этом мире более трогательного, чем смотреть на спящего сладким сном ребёнка.

Как-то вся семья сидела в зале и смотрела фильм о войне. Пришло время укладывать Алёнку спать, но та взбунтовалась. Ина объяснила, что этот фильм ей лучше не смотреть, потому что в нём умирают солдаты. Алёнка, которой и трёх лет не было, заплакала и сквозь слёзы закричала: «Неправда, солдаты не умирают!» Это был первый советский лозунг, который она где-то слышала и запомнила.

В два года Алёнку отдали в младшую группу детского сада, потому что Ина вышла на работу. Алёнка два дня поплакала, потом привыкла. Прошла зима, весна. Ина с улыбкой вспоминает, как летним вечером пришла забирать её из детского сада и увидела такую картину: на широких качелях сидит Алёнка с другими детками, воспитательница их качает,

а они поют: «Через две, через две зимы, через две, через две весны отслужу, отслужу, как надо, и вернусь. Запомни!» Пошли другие родители, все слушали, смеялись, просили повторить песню на «бис», а потом аплодировали им.

Праздник в детском саду. На Алёнке сшитое ею шёлковое платье с белым воротничком и огромный розовый бант, сделанный из дефицитного газового с блёстками платочка. Алёнка вместе с детьми сидит на стульчике и смотрит на выступление клоуна, а приглашённый фотограф именно на ней ловит свой лучший кадр: запечатлённое на снимке восторженное счастье детства. Ради этого счастья Ина готова была пережить любые трудности в чужом доме.

Чужой дом

*Не ходи в чужой монастырь со своим уставом.
(Пословица)*

По материнской линии Пугачёвы вели свой род от мелкопоместного дворянства, а по отцовской – из зажиточного крестьянства. Деда Ивана после революции должны были раскулачить и сослать в Сибирь, а он порезал скот, сжёг свой дом и в один миг превратился в бедняка, таким радикальным образом избежав ссылки.

У деда Ивана было три сына и дочь. Старший сын умер в сорок восемь лет, младший во время войны стал Героем Советского Союза и тоже умер, не дожив до пятидесяти, а средний после ФЗУ пошёл работать на станкостроительный завод и дослужился до начальника одного из самых крупных цехов. Это и был Свёкор. Высокого роста, с орлиным носом, не красавец, он выковал в себе такую волю, что даже сильное заикание не мешало ему чувствовать себя королём. В военные годы, когда большинство мужчин было на фронте, он снискал себе славу ловеласа и честно злоупотреблял служебным положением в этом вопросе.

Потом его взяла в плен красота задорной и смелой девушки с примесью польской крови. Плен длился до первого ребёнка-сына и перешёл в брак, иначе секир башка: партком!

Девушка умела постоять за себя. За первым сыном родился её будущий супруг, а за ним долгожданная Доченька.

Главной заботой уважаемой свекрови оставался муж, кормилец и бабник. С его многочисленными любовницами она воевала всеми возможными способами и побеждала, после чего стала бороться с приступами астмы и снова не сдавалась. Приготовив ужин, она высовывалась в окно и смотрела на остановку трамвая в ожидании супруга, чтобы вовремя разогреть еду. Иногда ожидание затягивалось, свекровь нервничала.

Свёкру было наплевать на всех, он продолжал жить в своё удовольствие: строил подчинённых на работе и нахлебников дома. К Ине он относился вполне доброжелательно, внушке улыбался, считая это достаточным. Одним словом, семья как семья, которая для Ины так и не стала родной, но это была уже её личная проблема.

Муж Игорь очень скоро оброс друзьями на заводе и после тяжёлой рабочей смены стал заходить с ними в гаражи, построенные рядом с проходной, чтобы выпить водочки и закутить её килечкой. Ине грозила участь свекрови по статье «ожидание», исключая её часть под грифом «измена». Она была благодарна мужу за полное осуждение отца в этом вопросе, но за пьянство устраивала разгон.

Денег хватало только на питание, жизнь от получки до получки убивала даже маленькие радости, но вскоре и Ина вышла на прежнюю работу в смену по двенадцать часов:

день, ночь, два дня выходных, и жить стало веселей. До работы приходилось добираться сначала на трамвае, потом – на электричке около часа. Если она работала, то дочку из детского сада забирал муж, иногда он просил об этом мать, которая устроилась на работу совсем рядом с садиком. Всё прекрасно, но однажды Ина приехала с работы после дневной смены в девять вечера, а в комнате пусто.

– Где мои? – в ужасе спросила она свекровь.

– Не знаю, – равнодушно ответила та.

Ина рванула в детский сад. Сторож сказал, что Алёнку забрала воспитательница, живущая за городом. Она записала её адрес, поехала на вокзал, единственное место, где можно было взять такси, и уже на нём помчалась в пригород, с трудом разыскав уже в полной темноте дом воспитательницы. Пришлось всех будить, долго извиняться и забирать уже спящую дочь. Всю обратную дорогу она проплакала. Пресвятая Дева, как можно не забрать из сада собственную дочь?! Неужели ответственность и долг для мужа пустой звук? А тот уже метался дома в праведном возмущении, объясняя ей, что Алёнку обещала забрать мать! Короче, ответственность и долг у мужа были, но он потихоньку стал их сплавлять другим, чтобы не отягощали жизнь.

Заснуть Ина не могла. Сначала ей хотелось, чтобы родители мужа любили Алёнку так же трепетно, как и её родители, чего не случилось. Теперь надо привыкать к тому, что и муж не любит дочь так, как мечталось. Как любил её саму

папа в далёком солнечном детстве. Это очень трудно признать и принять. Трудно... до не проходящей сердечной боли.

Завтра она проснётся и уже с осознанных позиций спокойно примет эту реальную нервнопаралитическую жизнь. Ничего другого не остаётся. Муж оправдался и заснул сном праведника. Толстая кожа у пацана. Кто мешает ей нарастить такую? А тут ещё зимние сапоги порвались, не выдержав бесконечной зимы, а денег на новые не хватает...

Весна всё же пришла, как и практика Ины в школе. Третий класс. На вопрос, кто хочет ответить, все тянут руки, что приятно. Но ответ знают не все, что смешно, и Ина не может скрыть улыбку. По фамилиям в журнале обнаружила, что в классе учится младший брат Юры, последней её любви. Сердце ёкнуло.

Вспомнилось, как они с Игорем, где-то через месяц после свадьбы, радостными и весёлыми возвращались с пикника и почти на ходу заскочили в трамвай, в котором ехал Юра. Она его не заметила, зато Игорь, захлёбываясь от самодовольства, рассказал, как тот, увидев их, покраснел так, словно горел изнутри. Вот ведь как получилось... интересно. Юра вынужден был жениться на нелюбимой девушке, а через год и она была обязана выйти замуж... Прямо по Цветаевой:

Я от горечи – целую

*Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи – другую
Ночью за руку ведёшь.*

Когда-то ей невыносимо больно было даже представить, что Юра возьмёт за руку другую, не говоря о большем. С ним никакой чужой дом не испугал бы Ину, а вот рядом с Игорем этого не получилось. Мало того, иногда казалось, что в своей родимой семье её муж и сам чужой.

Любимой неугасимой звездой семьи Пугачёвых был старший брат Игоря, который неожиданно бросил университет, потому что тоже решил жениться. До этого он, по его же собственному признанию, был искусным соблазнителем женской половины столицы и выбрал среди них самую умную и самоуверенную. Им отгрохали свадьбу с родней.

Жена, полноватая блондинка, учила в Москве японский язык, была остроумна и очень амбициозна. Её отец был Начальником в их городке, позже Ине придётся поработать под его руководством. Детей у них не было, но прожили они вместе довольно долго. Вот в их семье кипели куда более крутые страсти, чем у Ины с Игорем.

Теперь о Доченьке, младшей из семейства. Её любили, холили и лелеяли с детства. В четырёхкомнатной квартире выделили собственную комнату. К десятому классу стали собирать приданое. Она редко выходила из своего гнёздышка, до маленькой племянки иногда снисходила, потому что

малышка просто-таки рвалась через вечно закрытую дверь к таинственной королеве в шикарном махровом халате с капюшоном.

Иногда дверь сама открывалась, и Алёнка легко просачивалась в комнату, спеша показать тёте всё, чему научилась. Начиналось представление со стихами, песенками и... балетом. Однажды, увидев танец умирающего лебедя по телевизору, она начала тренировки, чтобы повторить его. Эта страсть к высокому искусству заставляла всех хвататься за животы от смеха, потому что Алёнка не отличалась в три года хрупкостью.

Постепенно Ина приняла жизнь в чужом доме, поскольку ничего другого не оставалось. Науке хитрой ласковости её никто не учил, а строптивый характер вредил ей ещё долго. Могло спасти поведение толстокожей хабалки, но случившаяся после родов болезнь добавила нервозности и уязвимости.

Исчезла ещё одна иллюзия о существовании тёплых отношений между свёкрами и невестками. Они, конечно, случаются, но при другом раскладе, когда за невесткой стоит стеной сильная и не бедная родня. Во все времена, даже советские. А если ты бедна, будь вежлива и терпелива!

Ину уже осчастливили, приняв в семью и прописав в квартиру, а она этого главного почему-то не оценила. Видимо, потому, что никогда и нигде не чувствовала себя человеком второго сорта. Не те книги читала, а те, которые надо было

читать перед замужеством, ещё не написали. Ещё со школьных лет она привыкла к уважительному отношению к себе, легко добилась этого среди коллег по работе, а семья мужа продолжала смотреть на неё свысока. Ина старалась этого не замечать, но не чувствовать не могла. Это было слишком непривычно, это давило и мешало расслабиться. Ей бы чуть прогнуться под этим давлением, а она сопротивлялась, ещё не понимая, что гибкость спасает от излома, поэтому и сломалась.

Поплачем?

*На обиженных воду возят. Их болезни косят.
(Пословица)*

Если быть честной, то Ину сломали стрессы: дородовой, сами роды и послеродовой. Их непрерывная череда не дала никаких шансов выстоять. Токсикоз после беременности, вынужденное замужество и переезд в семью мужа выбили её из привычного образа жизни, а утрата привлекательности лишила уверенности в себе. После родов замучила тахикардия, плохой сон и не понятные самой обиды.

Обратись она к врачу с этими симптомами вовремя, можно было бы помочь своей эндокринной системе. Именно она позволяет организму приспособиться к постоянно меняющимся условиям внешней и внутренней среды и поддерживает его нормальную жизнедеятельность. Роды окончательно нарушили её работу, и уже через год после них её здоровьишко приказало долго жить и пало на милость, которой в ближайшем окружении не наблюдалось.

Бессонные ночи с грудным ребёнком сменял трудный день, и всё повторялось до бесконечности. Тяжелее всего давались прогулки зимой. Сначала надо было спустить с четвёртого этажа коляску, подняться, одеть ребёнка, натянуть на уже мокрое от пота тело верхнюю одежду, взять в охап-

ку укутанную Алёнку, спуститься, уложить в коляску и отправиться гулять с заездом в магазин. Так два раза в день. Между прогулками надо приготовить, накормить, постирать, погладить и, наконец, укачать малышку на ночь. До вечера Ина еле дотягивала, падала в постель рядом с мужем, надеясь на крохотное сочувствие.

– Ну, что, мамочка, устала? Рученьки дрожат, ноженьки не держат? – «сочувствовал» муж и с усмешкой предлагал верное средство, – поплачем?

Ина отворачивалась и плакала. Прямо рефлекс какой-то. Игорь удивлялся такой реакции на шутку и пытался успокоить. После слёз и утешений ей становилось легче, и она засыпала до первого плача ребёнка. Снова засыпала, но среди ночи начинали невыносимо болеть суставы, заставляя тихонько подвывать. Потом стали дрожать руки и голос, вплоть до заикания.

Как ей не хотелось снова сталкиваться с советской медициной, но пришлось. Ина сидела перед врачом и рассказывала о том, что сама никак не могла понять:

– Откуда у меня, женщины с нормальной психикой и уравновешенным характером появились все признаки истерички? Почему теряю вес, задыхаюсь, раздражаюсь? Почему уже с утра у меня нет сил что-либо делать? Только боль в суставах не удивляет. Она у меня хроническая.

После осмотра и сдачи всех анализов врач дала ответ на все её вопросы:

– Это не ваш характер изменился, а работа эндокринной системы, что часто случается после родов. У вас жуткий тиреотоксикоз из-за диффузного зоба третьей степени. Скажите спасибо, что не рак! Как вы с таким диагнозом столько протянули? Срочно в больницу!

В больнице Ину положили не в палату, а на единственную койку в конце длинного коридора. Всего лишь на ночь, успокоил врач. Как жесток мир! Она рыдала, уткнувшись в подушку, всю ночь.

Потом была огромная палата. «Когда я упал на самое дно, снизу постучали», – сказал мудрец. У многих из пациентов дно болезни было гораздо глубже, чем у неё, что вдохновило.

Замужество

Замужество не брак, а медаль «За мужество».
(Народный юмор)

Больничная палата на две койки. На них лежат две молодые женщины. За окном ночь. Тусклая лампочка под высоким потолком освещает всё мертвенно бледным светом.

— Ни стыда, ни совести... — вздыхает одна из них, худющая блондинка с отросшими русыми корнями волос, собранными в хвостик.

— У кого?!

— У моей бессонницы. Только закроешь глаза, она мозг включает...

— И мне мысли дурные в голову лезут: есть ли жизнь после жизни? — жалуется другая, более ухоженная молодая женщина в теле и с модной стрижкой.

— И что решила?

— После жизни не знаю, а после свадьбы — нет. Оттремел марш еврея, а потом хоть трава не расти.

— Какого еврея?!

— Мендельсона, — соседка хихикнула. — Забыла уже даму из общей палаты?

Там их было восемь, и у каждой история, естественно печальная, а очень полня и самодовольная дама из торговли

подводила один и тот же итог: «Это всё евреи виноваты!»

Однажды кто-то возмутился:

– Ну, где ты видишь этих евреев?! Я, например, не знаю ни одного среди коллег.

– В колхозе своём, что ли? Еврей в колхозе?! Ха-ха! Ещё «Еврей – дворник» – самые короткие анекдоты. Они гнезятся в других прикормленных местах. И здесь где они? Ау! Все в «Кремлёвке» лечатся или за границей.

Доказывать ей, что сукиных наций не бывает, было бесполезно. Худая блондинка, вспомнив торгашку, нервно хихикнула и сказала:

– У той дамы во всём евреи виноваты, у других – коммунисты. Помнишь у ...Иртеньева, блин, еврея... – внутри женщины с хвостиком уже всё дрожало от смеха, – Глаз заплыл. Пиджак в пыли. Под кроватью брюки...

– ... до чего же довели коммунисты-суки! – сходу продолжила вторая.

Посмеялись. Помолчали.

– Да, свадьба – на крыльях, семейная жизнь – на носилках, как у меня. Недаром все сказки заканчиваются свадьбой, потому что после неё уже не сказка, не песня, а драма, – продолжила разговор женщина с модной стрижкой.

– Радуйся, что драма, а не трагедия. Не нравится драма, преврати её в комедию, – не поддержала её худышка.

– Ты, как понимаю, пробовала, но всё равно лежишь рядом со мной.

– После родов случается иногда сбой систем жизнеобеспечения. Кстати, надо подкрепиться!

Худышка достала из тумбочки кефир с булкой и начала есть, а соседка вздохнула и сказала:

– Сбой... И почему-то только у женщин! Злая наша судьба и доля.

– Долюшка женская, конечно, не мармелад, но разве мужчинам легче, например, на войне?

– Как исключение!

– Но ужасное. А мы рожаем сами себе счастье. За него и пострадать не грех. У меня оно одно – доченька, у тебя – два!

– Счастье, когда и муж его разделяет вместе с тобой.

Худышка выбросила пустой пакет в корзинку, залезла под одеяло и только после этого заговорила:

– Не могу вспомнить, но где-то я прочитала: «Клянусь любить тебя в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас». Помню только, что прочитала и чуть не заплакала. Так красиво! До слёз...

– Может быть, в церкви слышала?

– Нет. Читала.

Обе замолчали. В палату без стука зашла медсестра, выключила свет и ушла.

– Ты хочешь спать?

– Нет. И зачем ты вспомнила эту клятву? У меня была

шикарная свадьба, по-мещански богатая... но, всю эту пышность маскарада я поменяла бы на исполнение супругом этой клятвы.

– У Пушкина не пышность, а ветошь маскарада...

– Ветошь ещё точнее. Меня больше волнуют слова: «любить в болезни и здравии». Если по совести, то без всяких клятв в человеке должно быть элементарное сочувствие к заболевшему человеку. У моего мужа оно только пока к котяткам проросло, а мне после заболевания не сказал ни одного слова поддержки. И после родов не жалел, не давая времени на восстановление.

– Откуда у мужчин может взяться сочувствие, если они не болели и не рожали? Чтобы нас понять, им надо хоть раз родить или хотя бы представить, как ребёнок проходит через их канал... Каждый раз не могу удержаться от смеха от такой картинки.

– Да чтоб канал порвался, и на него пяток швов наложили! А жена с идеальной фигуркой рядом от нетерпения настаивала на скорейшем исполнении супружеского долга.

Обе от души посмеялись, потом молодая женщина с модной стрижкой вытерла выступившие от смеха слёзы и уже спокойно сказала:

– Картинка смешная. Но, чтобы хорошо относиться к жене и детям, не обязательно самому рожать. Надо просто быть человеком.

– И добавь: ответственным, честным, благородным, доб-

рым и заботливым. Мой папа такой. Своего мужа я другим не представляла. Кстати, он вполне соответствовал моим ожиданиям, как и я – его. Вот только роды всё изменили. После них муж вместо гарантированного секса с хорошенькой женой получил ребёнка, бессонные ночи и измождённую истеричку.

– К не менее измождённой жене в общей палате муж каждый день бегаёт! А что ждать от моего, если жениться его заставили, клятв не давал? И попала я в семейный ад.

– Я сама замуж не хотела, но пришлось выйти ради дочки. Теперь смотрю, как муж носит нашу кроху на руках, и радуюсь. Он тоже не собирался так быстро становиться отцом, но после рождения с удовольствием нянчился с дочкой и мне помогал во всём. Жаль, не долго, но, как говорят другие мамочки, для молодых отцов это в пределах нормы. Я, как молодая мать, тоже подвела семью и заболела...

– Вроде рождение детей – это богоугодное дело, но почему-то оно становится наказанием...

– Не наказанием, а испытанием, – поправила худышка. – Ребёнка родить – не в туалет сходить. Слишком большой стресс, а мы к нему ещё добавляем обиду на мужа. Надо срочно заканчивать с истериками и выздоравливать! – худышка помолчала, а потом улыбнулась и добавила, – Сначала я поправлю здоровье, а потом верну свою внешнюю привлекательность, после чего, надеюсь, ко мне вернётся и внутренняя уверенность в себе. Пока на это сил не хватает...

и денег.

– Мне больше всего хочется избавиться от тирании, – призналась её соседка. – Выйду из больницы и снова попаду в тюрьму, в которой надзиратели будут плевать на моё мнение, заставят жить по их законам и снова доведут до края. Пока их нет дома, приучаю детей с лишним весом к диете, на прогулке заставляю играть в подвижные игры, но потом приходит с работы бабушка и заваливает их шоколадом с тортиками, игрушками и обновками, а они виснут у неё на шее и визжат от счастья. Вижу её злорадный взгляд и ухожу в свою комнату реветь. Все мои попытки выйти на работу, а детей отдать в детский сад для социализации воспринимают в штыки.

– Тюрьма и надзиратели – плохо. Но тюрьма удобная и богатая! Продукты приносят, одевают, ты рядом с детьми. Расслабься и кайфуй. Моя знакомая тоже не работает: встаёт, кашей деток накормит и начинает пёрышки чистить. Потом в парке с ними гуляет, укладывает спать и сама спит. Только перед приходом свёкров и мужа ставит кастрюлю с водой на плиту, включает стиральную машинку и оставляет в центре комнаты пылесос с намёком: «Извините, не успела!» Свекрови приходится первое варить и котлеты вертеть на неделю вперёд. Поскольку она и детей не учит, их пришлось в садик отдать. Теперь пропадает в парикмахерской и в магазинах. И муж её обожает! Разве не умница?

– А мы, значит, дуры. Недавно читала детям Кипплинга.

Неужели для того, чтобы дать отпор бандер-логам, нужно стать удавом Каа? Не хочу!

– Тогда беги из джунглей или... «во глубине сибирских руд храните гордое терпенье»!

– Из-за терпенья я сюда и попала.

– Да и я не от великого ума лежу рядом с тобой. Скажи, разве можно назвать меня умной, если я ухитряюсь обижать саму себя? Во время беременности мне до смерти хотелось фруктов, мяса да икорки, а я на декретные деньги сделала ремонт в комнате и купила мебель.

– Меня от икры и мяса всю беременность воротило.

– Тебя от достатка тошнило, меня – от недостатка. С другой стороны, голод меня спас, иначе бы я вообще не разродилась. Дочка и на голодном пайке набрала больше четырёх кило. Такая вот во мне скрытая сила!

– Господи, в чём только душа держится, а она ещё и силой хвалится, – рассмеялась полненькая. – Интересно получается. Ты, с сильной волей, сломалась, а меня, безвольную, поломали. Результат один – больничная палата, в которой обе лежим и рассуждаем о том, как судьба играет человеком.

– И что за зверь такой, эта судьба? Только и слышу о ней со всех сторон, да и сама этим словом частенько жонглирую.

– Судьба, в обывательском сознании, – это неразумная и непостижимая предопределённость событий и поступков человека. Я считаю, что такое явление существует, оно ведёт человека по жизни, и никакую волю ей не противопоставить,

хоть веником убейся.

– Зачем убиваться? Надо постараться увидеть даже в худшем её варианте какой-то плюс.

– И он же крест...

Ина, одна из этих двух молодых женщин, та что с хвостиком, была счастлива, что попала в больницу как раз тогда, когда дочь Алёнка совсем привыкла к детскому саду. Теперь с ней может справиться один Игорь, а она несколько недель отдохнёт в больнице.

Врач пообещал ей полное выздоровление, если она исключит из жизни все переживания, бессмысленные обиды, а вместо них включит в неё хорошее питание и ночной сон продолжительностью не менее восьми часов.

Придётся ей после отпуска и защиты диплома искать другую работу, потому что врач категорически запретил дежурства в ночную смену. С новым дипломом сделать это будет легче, но его ещё надо получить, что никакого спокойствия не обещало.

В десятиместной палате, куда её сначала положили, уже лежали семь женщин с аналогичным диагнозом. Ина взяла с собой три книги Льва Николаевича, надеясь в больнице осилить его до конца, но это не всегда получалось. Сначала одна из женщин начинала рассказывать о причинах заболевания, потом другая продолжала, и разговор в палате не прекращался. Вскоре Ина подружилась с Дарьей, самой интересной из всех, но её перевели в отдельную двухместную па-

лату.

– Свекровь организовала. Сначала «довела до неё», потом организовала, – тоскливо сообщила она Ине и предложила, – перебирайся ко мне, будем читать в тишине.

Через неделю, начитавшись, они всё же разговорились. Оказалось, что они обе окончили педагогический институт – центр производства интеллигентов их провинциального городка. Её история «жили-были» отличалась от Ининой лишь нюансами, что и потрясло.

Муж Дарьи был единственным сыном торговых работников, по тем временам «мещан во дворянстве». Сокурсники считали его нарциссом бестолковым, а он сам себя – элитой. Даша, отличница-скромница, выросла в семье учителей и мечтала совсем не о таком парне. Началось с того, что брат отца Дарьи, декан института, дрогнул перед «благодарностью без границ» и пристроил Сынка благодетелей на иняз. Парень совсем не тянул учение и прилип к сокурснице Дарье как к спасательному кругу. Она – его бесплатный репетитор, он – её проводник в элитную тусовку. Не замечая сопротивления, он таскал её за руку на все вечеринки, балдея от собственного благородства и напропалую флиртуя с другими, красотками. Суетился он неумоимо, считая, что активно живёт.

Его родители плавились от улыбок при Дашином появлении в доме, привечали, потчевали, шмотки доставали, вплоть до выпускного вечера, ибо после него она была

не нужна. Оказывается, что богатая невеста и доходное место Сынку уже были уготованы.

А он, бестолочь, взял и сломал все их планы: на выпускном вечере напился сам, подсыпал что-то Дарье в шампанское и лишил, на спор и на потеху свите, последнюю девственницу курса чести и достоинства. Пошутил парнишка и попал, как кур в ошип. Точнее, как молоденький петушок.

Скандал был жуткий, но тихий. Его устроил дядя, естественно за спиной обесчещенной племянницы. И свадьба состоялась. Дарье было всё равно. Все пять лет она засматривалась на другого парня и уже устала ждать хоть одного ответного взгляда, да и к Сынку привыкла. Плюс беременность. Только после неё и узнала, что такое искренняя ненависть и презрение, которые в полной мере получила от свёкров.

Их собственный дом, забитый дефицитом и пылью, лёг на её плечи. Все остальные – свободны, в том числе и сынок. Её тыкали и тюкали с нескрываемым наслаждением за всё. К новорождённому ребёнку ночью не подходили, зато в свободное от работы время тетёхались с ними до одурения, нарушая с трудом выстроенный режим дня. Это был только их ребёнок, а мать при нём нянька, дура, идиотка.

Через полгода случилась новая беременность, ибо предохраняться муж не хотел, и родители его считали, что сестричке нужен братик-погодок. Через год после рождения второго ребёнка Дарья окончательно выбилась из сил и слегла. Врач установил заболевание щитовидной железы и объяснил

ей, что одной из причин её заболевания является эмоциональное напряжение: она очень долго молчаливо проглатывала обиды. Как их не проглатывать, он не объяснил, предложив им взамен таблетки, что не совсем устраивало Дарью:

– Я заболела не от гормонального сбоя, как ты, а от психологического террора! Одно время каждую обиду в дневник записывала, потом счёт потеряла. Глупо. В дневник надо записывать только то, что приятно будет вспоминать, – закончила она последним признанием свой рассказ.

– Я тоже вела дневник, – призналась Ина.

– Иногда хочется с кем-то поговорить, пусть и с дневником, – добавила Дарья.

– Когда-то я мечтала стать писателем. Как давно это было.

– Меня даже печатали...

– Вот и начни писать книгу, это отвлечёт от болезни, – предложила Ина.

– О бабьей юдоли? У меня у одной она такая и никому не нужная.

– Ты разве не слушала истории жизни всех пациенток нашей бывшей палаты? Истории жизни, перешедшие в истории болезни? У одной неё такая юдоль! Слово-то какое древнее нашла. Тогда послушай о моей, «весёлой». У тебя есть рядом папа, мама, дядя, тётя, а у меня – никого. С семнадцати лет все решения принимаю сама, а потом за них же и отвечаю. Так хотелось почертить, когда накрыли страсти! Слишком рано для замужества, сказала я сама себе и не позволила

впасть в грех. В двадцать два года меня снова накрыло, и я снова чуть не сгорела от любви, но на этот раз этому помешал его величество Случай. Ни секса, ни свадьбы. Отстрадала по полной программе. Вот тут-то гормон взбунтовался окончательно и потребовал секса без всякой любви. О браке и мысли не было, но наша дочь посчитала иначе... Мой муж хороший парень, но к браку не готов ни по каким статьям. Пока старается соответствовать, а тут я заболела и ещё больше напрягла обстановку: то – не так, это – не этак! Так кого винить?! Думать надо было, когда ноги раздвигала. На ошибках учатся, после ошибок – лечатся.

– А им думать не обязательно?! – возмутилась Дарья.

– Нет. Не им же рожать. И не стоит изображать жертву. Вчера ты заснула, а я ещё долго гоняла мысли. Или они – меня? И снова сделала вывод, что сами виноваты.

– Винить себя, значит усугублять депрессию.

– А ты посмотри на нас с тобой с другой точки зрения, например, подруг. Многие считают, что мы удачливы, потому что таких классных парней отхватили.

– И нас не в помойном ведре нашли! Почему какая-то невежественная сила имеет право меня унижать?

– Даш, вчера перед сном мои мысли выстроились в чёткую логическую цепочку, я интуитивно искала какой-то позитив... и нашла. С какой мысли это началось?

– С вины?

– Нет. С ошибки. Ошиблись мы и наши мальчики. Маль-

чки, по-другому их не назовёшь. Инфанты незрелые. Они нас обманули, мы их за это наказали. Собой. И тоже сделали глупость. Теперь лежим, страдаем. А они, не нагулявшие вволю, счастливы в семейной тюрьме?

– Осталось только моего подлого муженька пожалеть!

– Лучше его пожалеть, чем себя. Жертвой быть унижительно.

– Хочешь сказать, что мы, охотницы, поймавшие ягнят? – Дарья рассмеялась.

– Натяжка, но чувствуешь, как на душе полегчало?

– Чувствую, чувствую! Ты чаще не спи, опиум моей души. Охотники стали жертвой сами.

– Теперь не будем тратить время на разборки причин, мы имеем следствие, печальное для обеих сторон. Надо искать выход. Итак, мужья у нас – вечные мальчишки со всеми выходящими последствиями, поэтому ответственность надо брать на себя.

– Мало существующей? Грузи больше!

– А что ещё остаётся делать? Попробуем совершить подвиг: изменить себя. Эту мысль я где-то прочитала...

– Они, значит, пусть ищут причину для оправдания своего образа жизни, а мы будем искать средства для увеличения своей силы тяги семейного воза?! Сразу после больницы! Кто хочет перемен, тот ищет средства?

– Вот именно! Ты хочешь жить так, как живёшь?

– Страшно подумать, что вернусь в этот ад.

– Переезжай к родителям или в отдельную квартиру. Это мне из комнаты можно убежать только в глухую деревню без водопровода и унитаза, а у твоего мужа есть отдельная квартира!

– Муж на иждивении родителей и голоса не имеет. Я – иждивенка иждивенца и лишена всех прав. Уйти могу, но детей потеряю. Ввязывать в войну родителей не хочу, они считают, что я в раю. И не только они. Одета, как куколка, столы для гостей ломаются от деликатесов, машину вожу, дети лопаются от гемоглобина. Все осчастливили меня насильно. Все ждут благодарности. Тупик как совокупность непреодолимых обстоятельств.

– Ищем выход...

– У дяди связи, хотел отправить нас за кордон, меня – в качестве переводчицы, а муж – следом за мной пристяжным иждивенцем.

– У тебя же фишка: два иностранных языка! Рви туда. У меня хуже: ни дяди, ни языка. И почему никто не надумил меня поступить на факультет иностранных языков? У такого диплома масса возможностей!

– Завтра выходной, дядя приедет меня навестить, – Дарья вскочила с кровати, – поговорю с ним! Не надо печалиться, вся жизнь впереди, – запела она и весело закружилась по палате.

– И я о том же, – засмеялась Ина.

– За кордон! – крикнула Дарья. И, плюхнувшись на стул,

продолжила, – Там беременность не становится приговором, как в нашей стране. Как-то приехала к нам двоюродная тётка, работавшая два года за границей, и я случайно подслушала, как она с мамой шепталась. На Западе давно существуют противозачаточные таблетки, а у нас обыкновенный залёт калечит судьбы. У них есть несколько видов каких-то специальных прокладок, а здесь мы, женщины, просто обречены на муки вечные.

– Согласна. Моя знакомая жила в Германии с мужем, военным, и горя не знала. А здесь у неё таблетки кончились, и стала она залетать по два раза в год. Ей даже опыт не помог.

– За наши муки и терпение мужа должны нам памятники ставить при жизни...

– И вручать медаль «За мужество», – добавила Ина. – Да-ша, для тебя мы выход нашли, а мне осталось только выжить и короноваться на престол.

За те три недели в больнице о чём только они не говорили. Дарья возмущалась:

– Ага, до брака они все ласковые котики!

– А мы – кошечки без коготков, милые и пушистые, – защищала котиков Ина.

– Эти четыре года замужества я на ведьму стала похожа, волосы клоками выпадают... – жаловалась Дарья.

– Согласись, что для мужских чувств испытание не из лёгких, – хихикала Ина, сохранившая в себе некую малость самокритики. – Говорят, что надо находить время для ухода

за собой.

– Когда? В двадцать пятый час суток? Потому что в остальное время я няня, воспитательница, повариха, уборщица, прачка, рабыня на огромном огороде и самка для мужа. У меня уже нет сил перетряхивать перины, меха и горы тряпок! Их основную торгашескую сущность.

– А кто они в торговле? – спросила Ина.

– Он работает заместителем директора Торга, она из продащиц перешла под его крыло.

– Странно, что сына занесло в пединститут.

– Ему со знанием языков наметили «светлый путь», но он оказался туповат. Сейчас числится учителем в сельской школе, а на деле приобщается к связям семьи, поддерживает их и сохраняет. Блатом и связями не устают хвастаться, а то, что это я до диплома их сыночка дотащила, не считается.

– Ты тащила своего мужа к диплому, а я своего. Мой никак не мог сдать экзамен по немецкому языку. Две недели каждый вечер он выпивал кружку очень крепкого чая, брал тексты, скорбно уединялся в ванной, садился на коврик и... сразу засыпал! Хоть плачь, хоть смейся. Пришлось вместе учить текст за текстом. В день сдачи экзамена расцвёл наш удивительный кактус, раскрыв сразу пять цветков. Муж посмотрел на них, сорвал и помчался с ними в институт. Кактусу не повезло расцвести именно в это день, а мужу очень повезло: учительница ахнула, глядя на уникальный букет, и приняла экзамен.

Очередная ночь. Ине не спится. Ей вспомнилось, как сама готовилась к экзамену по зарубежной литературе. Рядом ползала маленькая дочь, то и дело разваливая ещё не прочитанные столбики из книг. Завтра экзамен, муж уйдёт на работу, поэтому оставить Алёнку некому. Ина перебрала в память знакомых соседок, и они все работают, поэтому придётся обращаться за помощью к свекрови: причина-то уважительная.

Но, несмотря на это, та отказалась, потому что они с подругой едут в другой город на концерт. Отложить?! Отложи лучше свои экзамены! Кому он нужен твой диплом?! А свёкор вообще стеснялся показываться с внучкой, не желая признавать себя дедушкой.

Выручила Лада, подруга, которая всегда шла на экзамен первой. Она обещала сдать его, прийти и посидеть с дочкой. Вечером муж приполз домой в первом часу ночи.

– Где я был? Экзамен? Какой? Ингер!? Ты не поверишь! Как его зовут? Точно, он! Он был в нашей компании, то есть, я в их... Все очень приличные мужики. А с Ингером мы о смысле жизни поговорили... Скажи, что ты моя жена. Он меня запомнил! – уверенно сказал муж и замертво свалился в кровать.

Билета Ина не знала, но и представить себе не могла, как выдавить из себя: «Я жена...» Экзаменационный стресс убрал из мозга лишнее: всяческую логику и критику, оставив только память, а аховое положение вынуждало верить в чу-

до, и она выдавила, как оказалось, позорное признание.

– Какая жена? Чья? – не понял Кумир. Потом помолчал и сказал, – Ничего не понимаю. Приходите через неделю.

Ина чуть не сгорела от стыда. Таких подлых подстав от мужа она никак не ожидала. Вспомнила Хлестакова: «Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я».

Игорь и дальше продолжал удивлять, открываясь совсем с неожиданной стороны. Раньше Ина думала, что он – безобидный шутник, теперь стало ясно, что любил её муженёк подставы искренне. Воспоминание об одной из них доводило его до гомерического хохота.

Однажды они с другом решили побрить головы на лысо. Мода такая пошла. Друга он усадил в кресло парикмахера первым, а когда увидел его голый череп, брить свою головушку отказался. Почему он не рассказал про этот случай в начале их знакомства?

«Ты со мной не соскучишься», – уверял перед свадьбой её король, как только Ина заговорила о скуке семейной жизни.

«Не соскучишься, но горя тяпнешь», – шутили у них в деревне.

Воспоминания прервала Дарья, ей тоже не спалось и хотелось поделиться своими мыслями, на удивление совпавшими с мыслями Ины.

– Перед свадьбой Эдик меня уверял, что с ним не соску-

чишься, и тащил за руку на очередную студенческую или приятельскую вечеринку. И после рождения первого ребёнка веселил, но уже не меня, а друзей в разных компаниях. Господи, зачем я вышла за него замуж?!

– Чтобы каждый раз задавать себе этот глупый вопрос!

Ответ: чтобы родить ребёнка, у которого есть отец!

– Есть, но где-то пропадает. Я уже давно пришла к выводу, что быть матерью одиночкой легче. Только что отвечать сыну и дочке, которые спросят: «Мама, а где наш папа?»

– Спойешь песню: «Твой отец тебя помнит и любит, но давно не живёт вместе с нами», – тихо пропела Ина, вспомнив какую-то блатную жалостную песенку про вязаный жилет. – Представить себя одинокой матерью и живи спокойно. Даш, теперь-то ты знаешь причину психоза. Вылечишь щитовидку, так и сделаешь. Живи, как будто его нет. Спокойствие, только спокойствие!

– А ты так сумеешь?

– Нет, но буду учиться...

– Моя свекровь говорит, что от загулов у мужика хрен не измылится! Мол, перебесится сыночек и успокоится. Вот такая у неё циничная норма семейной жизни.

Ина думала о том, что её свёкры слыхом не слыхивали о какой-то послеродовой депрессии, гормональном сбое и явно считали, что невестка чудит. Не мешало бы им увидеть палаты, переполнены такими больными женщинами, чтобы не судить её строго. Её радовали перспективы: она

всего лишь вторую неделю пьёт по десять таблеток в день, а уже чувствует, что приходит в норму. Если дома её поддержит Игорь, она горы свернёт. Вслух она сказала:

– Даш, у тебя родители рядом, могут поддержать и пожалеть.

– Они поддерживают, но о семейных проблемах я не могу им даже намекнуть, потому что не хочу расстраивать. И у отца слабое сердце. Допустим, что после больницы я не буду обижаться на мужа. Трудно, но возможно. А что делать с детьми, если все мои усилия по воспитанию – зов вопиющего в пустыне? Им даже игровое обучение надоело, тем более, что бабушка и папа одобряют их безделье и даже хамское поведение. Оно их смешит! Представляешь, детям больше нравится самоуверенная хамоватая бабуля со своим девизом: «Бабло победит любое зло». Коротко и понятно. Меня в грош не ставят, что самое страшное. Я теряю детей! Вырастут ещё две копии папаши. Вчера по телефону намекнула мужу, что после больницы хочу переехать в купленную для него квартиру, а сегодня утром он ответил категорическим отказом. Подозреваю, что он с отцом там и кутят по очереди.

– И крутая маманя позволяет?

– Она проще смотрит на мир, на возможные измены мужа. Если нет муженька долго, то примет пару стопок коньяка и заявляет, что каждый имеет право ходить налево.

– Прикольная у тебя свекровь, – улыбнулась Ина.

– Если рядом с ней не жить, – вздохнула Дарья.

И у Ины свёкры как свёкры, тоже с юмором, если не сталкиваться на одной жилплощади. Многие знакомые считают, что она удачно вышла замуж. Что значит удачно? Ина никогда не считала себя бедной невесткой, потому что была родом из уважаемой семьи, имела прекрасную профессию и приличный заработок. В интеллигентной семье это посчитали бы достойным приданым, только не в той, в какую попала.

Высокомерие Свёкра ещё можно оправдать, все остальные могли бы знать ему меру. Собственно, их общение свелось к минимуму, что устроило всех. Ине осталось только научиться любить себя, о чём они много говорили с Дарьей. Вспомнили даже о разумном эгоизме, о котором говорил Чернышевский.

Дарья считала, что разумный эгоизм хорош, когда у окружающих тебя людей есть совесть и честь. А совесть и честь ушли вместе с Белой гвардией. Мол, раньше дворяне даже к прислуге обращались на «вы».

– Не все. Не стоит идеализировать, – возразила Ина. – Салтычиха тоже была дворянкой.

Обе пришли к выводу, что во все времена против лома нет приёма. Две взрослые женщины тогда не слышали о такой истине: «Мы живём так, как соглашаемся жить». Хотя, некоторые приёмы против лома они всё-таки нашли.

Ина ещё долго выкарабкивалась из болезни. С Дарьей связь на некоторое время потеряла. Случайно ли или специ-

ально жизнь свела их? Примечательный факт: в институте Дарья была тайно влюблена именно в её Игоря, а она заглядывалась на её Сынка. Это выяснилось гораздо позже. Оба оказались, мягко выражаясь, не на высоте. Случись судьбе поменять их местами, результат оказался бы одинаковым.

При выписке врач запретил Ине любой стресс, угрожая болезнями поджелудочной железы, стенокардией, остеопорозом, диабетом и чёртом лысым! Ина поклялась беречь себя. Лечение требовало спокойствия на несколько лет.

Детская советская медицина

*Почему во всех детских больницах нарисован
Айболит? Он же ветеринар!
(Законный вопрос)*

Ина была согласна с врачом, при этом прекрасно понимая, что спокойствие мамы маленького ребёнка – нонсенс. Её ребёнок рос сильным и шустрым. Первые шаги – первые шишки. В два года Алёнка опрокинула на себя огромный телевизор, стоявший на нелакированной тумбе, стоило лишь на минутку отвернуться от неё, чтобы проводить гостей. Ангел-хранитель успел вовремя, и телевизор упал удачно, чуть придавив ребёнку пальчик на ноге.

Короче, за её доченькой нужен был не глаз да глаз, а три да три глаза, что не способствовало спокойствию. Пухленькое глазастое чудо превратило Ину в сумасшедшую маманю, которую тревога не покидала даже тогда, когда ребёнок был здоров.

Однажды по какому поводу взяли у Алёнки анализы, а на другой день к ней прибежала медсестра и с ужасом в глазах сообщила: у ребёнка обнаружена страшная болезнь, мол, анализы потрясли всю поликлинику. Ина остолбенела, а медсестра добила окончательно, сообщив, что надо срочно искать очень редкое лекарство, которого у них нет.

Ина в обморочном состоянии рванула в Москву, но где там искать это лекарство? Объехала несколько аптек, только в одной из них нашлась добрая женщина, которая позвонила в справочную и узнала, в какой аптеке есть такое. Уже поздним вечером Ина добралась до конечной станции Юго-Западного метро, там ехала на автобусе, потом бродила по улицам, спрашивая у прохожих нужный адрес, и, наконец, нашла аптеку.

С заветным спасительным лекарством, уже на такси, доехала до вокзала и успела сесть в последнюю электричку. Только на обратной дороге домой в голове возник вопрос: почему за лекарством не вызвался ехать муж? У него и мысли такой не возникло! Скорее всего, и тревожное волнение всего лишь изобразил. Послала же судьба такого бегемота! Ина злилась на мужа, потому что очень устала. Тем не менее даже сквозь усталость внутренний голос возразил: – Опять судьба виновата? Если она послала его тебе, тогда ты пошли его... в Москву на поиски лекарства для спасения дочки! Но ты поехала сама, потому что никто, кроме тебя, не сможет найти... добиться... спасти...

А утром снова прибежала медсестра и, опустив виновато глаза, извинилась: ваша девочка здорова. Оказывается, они просто анализы перепутали, но дорогое лекарство можно продать матери другого, больного, ребёнка.

Ина впервые за сутки смогла вздохнуть свободно. Она не стала ругаться, потому что уже не было сил. Хорошо уже

то, что вовремя разобрались, а ведь могли начать колоть сильнейшее лекарство абсолютно здоровой дочке. И столько таких случаев было! Это только после перестройки и проклянувшейся гласности все узнали о множестве медицинских ошибок, в том числе и со смертельным исходом, а в те советские времена всё хранилось в строжайшей тайне.

Первый раз Алёнка серьёзно заболела, когда пошла в садик: температура, диарея. Не уточнив диагноз, Ину заставили положить дочь в инфекционную больницу. Просьба быть рядом с больным ребёнком пресеклась сразу: нет такого порядка в детских больницах! Первую ночь Ина проревела белугой, глядя на опустевшую кроватку. Успокоилась только через неделю, а ещё через одну разрешили ей дочку забрать – ребёнок поправился, несмотря на усилие врачей.

Ина с Игорем стояли на первом этаже, когда со второго по лестнице стала спускаться Алёнка, перевязанная крест-накрест бабушкиным пуховым платком. Её трудно было узнать: исчез румянец, погасли глазки. Она не кинулась к Ине на шею, и она поняла почему: ребёнка впервые предали, оставили для пыток чужим людям со шприцами в руках. В выписке не оказалось первоначального диагноза: чёрным по белому было написано неинфекционная диарея, которая дома лечится за три дня.

В следующий раз высокая температура заставила Ину согласиться на стационарное лечение, только теперь она на коленях вымолила у главврача возможность быть рядом с ре-

бёнком, и бутылка хорошего коньяка сыграла свою роль. Здесь, в детской инфекционной больнице, пришлось увидеть весь ужас советского детского здравоохранения. Увы, уже через пять дней её слабый иммунитет схватил вирус, и она оставила ребёнка одного в этом кошмаре.

Через две недели она приняла Алёнку из рук эскулапов, сняла трусики и чуть не свалилась в обморок: попка малышки от воспаления превратилась в живую рану. Алёнка писала и визжала от боли. Ине хотелось взять тонну тротила и взорвать эту организацию вместе с детскими врачами и медсёстрами с красивым и добрым названием «Детская больница». Айболит как ветеринар относился к своим пациентам с большей ответственностью и сердечностью.

— Куда жаловаться? — удивилась соседка на вопрос Ины. — В наших больницах книга жалоб и предложений находится в кабинете психиатра. А деток жаль... Меня врачи тоже искалечили.

— Меня пока лечат успешно...

— Бывают счастливые исключения, — рассмеялась соседка, переполненная бесчисленным множеством обратных примеров, о которых ей хотелось рассказать.

Ина уже не рада была, что затронула эту болезную тему, она взяла предложенную панацею для заживления ран, поблагодарила и испарилась: слушать страшные истории из практики лечения соседки не для её нервов, иначе жить будет, но не захочет.

В этот момент она вспомнила, что надо беречь себя и жить спокойно! Осталось только решить: как и когда.

Подруги и единственный друг

*Хорошая вещь – одиночество... Если есть, кому
сказать, что одиночество – хорошая вещь.
(Автор не известен)*

Подругу Ладу, в некоторой степени закрытую, Ина уважала, зная, какой богатый и разносторонний внутренний мир спрятан за её внешней скромностью и сдержанностью. Лада помогала ей продолжить учёбу в институте, не беря академического отпуска после рождения ребёнка. Она приносила задания, рассказывала сюжеты ещё непрочитанных ею произведений с акцентами и выводами. И за эту помощь Ина будет благодарна ей всю жизнь.

В очередной раз надо было сдать экзамен по зарубежной литературе обожаемому Ингеру. Ина с первого захода его не сдала: ей достался роман Эмиля Золя «Чёрное золото», который она читала давным-давно до института, но на этот раз память её подвела, и Ингер назначил пересдачу через три дня. Ина рванулась к подруге:

– Лада, снова ничего не успеваю, даже Золя не смогла пролистать.

– Золя не достанется, снаряд в одну воронку не попадает.

– Лада, хоть вкратце... сюжет. Пожалуйста!

Ладе для этого хватило пять минут, Ина запомнила слово

в слово, и ей снова достался тот же билет! Она отвечала так, словно шла по лезвию бритвы. Второй вопрос знала сама. Отлично! От Ингера! Ладочка, спасибо!

На втором курсе Лада влюбилась. Год прекрасных отношений дошёл до подготовки к свадьбе, но вместо неё случилось предательство со стороны жениха и разрыв. Весь последующий год стал для Лады настоящей трагедией, но она достойно скрывала все переживания внутри себя. Ещё через год Лада познакомится с очень самостоятельным и надёжным парнем, молодым инженером с машиностроительного завода. За все страдания бог пошлёт ей счастье на всю жизнь. Они с мужем пройдут по жизни, держась за руки, как в горестях, так и в радостях, многого добьются, а главное, вырастят двух умных и самостоятельных сыновей. Их семьи будут дружить, пока муж Лады не увезёт всё семейство ближе к Москве.

Римма цвела и пахла. Их барак, в котором она жила с мамой, снесли, дав им малогабаритную квартиру в новом доме. Мать сразу ушла жить к подруге, а Римма стала царствовать в собственном жилье. Скоро у Риммы появилось много поклонников. Это было её самое счастливое время: ежегодные туры на юг с новой близкой подружкой, откуда она возвращалась вся «в шоколаде», сражая мужиков наповал чертовщинкой в глазах и походкой пантеры. Иногда она заглядывала и к Ине, с удивлением наблюдая за тенью когда-то весёлой задорной девушки и рассуждая о своём женском:

– Не обязательно быть красавицей. Себя можно сделать, если очень постараться.

Ина после замужества и родов, замотанная дитём, болезнью и бытом, краем уха слушала Римму, сидевшую обычно на стуле, положив одну загорелую ногу на другую, и вещавшую прописные истины свободной женщины.

У Ины не было сил даже завидовать тому самому шарму, которого в той было с избытком. Она помнила, как Римма и Лада, высокие и длинноногие, хорошо смотрелись, прогуливаясь по парку перед дискотекой. Теперь Лада вся в семье, и она еле ноги передвигает от усталости. Зато, вырвавшись из дома, чтобы отдохнуть, все четверо любили собираться именно у Риммы. Они приносили вино, Римма выкладывала консервы, ставила на проигрыватель пластинки, и начинался разговор на вечные для девушек темы:

– Почему мужчины всегда готовы покувыркаться в постели, но не готовы жениться?! – возмущалась Римма.

Ина советовала подольше не пускать их в эту самую постель, исходя из прошлого опыта, её поддерживала Нелли. Римма слушала их смешные советы, но со своей страстной и увлечённой натурой поделаться ничего не могла. Такой она была и останется ещё долго.

Нелли пока находилась в процессе выбора. В девятнадцать лет она влюбилась, и любовь была взаимной. Окунуться бы ей в эту страсть, наплевав на всех моралистов, а потом думать о свадьбе. Нелли не решилась, но будет продолжать

мерить отношения между мужчиной и женщиной той высокой мерой первой любви, которая не повторяется. Ине это знакомо не понаслышке. Потом в их семью придёт смерть и заберёт сначала сына, потом отца. Нелли будет не до личного счастья, они с мамой выпьют из чаши горя и страдания полной мерой.

Семейная жизнь Ины со стороны казалась благополучной. Их браку с Игорем было уже три года. Этот срок считается кризисным. Они с ним не ведали о выводах психологов: не предупреждены – разоружены, поэтому в кризис вляпались.

Игорь всё чаще задерживался после работы в гаражах у друзей, а она кипела от возмущения, но не могла позволить себе устроить скандал после его возвращения, чтобы не повеселить им большую семью, и срывалась только тогда, когда оставалась с мужем один на один.

Несмотря на горсть таблеток, принимаемых ежедневно, недовольство накапливалось и начинало бурлить, как вода в раскалённом чайнике, которая выходила паром с жутким визжащим свистом. Отношения обострялись, и тупик становился ещё тупее.

Игорь привык жить под пятой большой семьи, но категорически не хотел продолжить эту практику под пятой жены. Ина не собирается его туда загонять, всего лишь пытается укрепить авторитет их маленькой семьи внутри большой. Её внутренний бог требовал от родни Игоря уважения к себе

и к мужу, но переломить устоявшееся мнение не получалось. Свёкор устроил сына на завод, но не в свой цех, заявив при всех, что тот может его подвести. Ина тогда посчитала, что он не прав!

Зима. Ина накопила денег себе на сапоги, но одна знакомая предложила купить модный по тем временам чёрный мужской полушубок из искусственного меха. Игорь примерил его, и Ина увидела того мужчину, с которым не стыдно выйти в свет, а вечное и ненавистное ей пальто Игоря фабрики «Большевичка» можно будет, наконец, выбросить. Купила. Сапоги, на которые она собрала деньги, подождут. В прошлом году она разорилась на отличный польский мужской костюм, серый в мелкую полоску, в котором Игорь стал чуть ли не лордом. Снова они с ним будут сидеть на голодном пайке, но красота требует жертв.

И вот этого приодетого красавчика она взяла с собой в гости к Римме, куда пришли потрепаться Нелли и, в кои веки, Лада. Пока они трепались, Игорь вышел на кухню покурить... Римма сновала туда-сюда... Через некоторое время Ина уронила вилку и пошла помыть на кухню, где увидела слипшегося с Риммой мужа. Такого подлого грехопадения от Игоря она никак не ожидала. Как можно... слипнуться с её подругой?! Она смолчала и даже дотерпела до утра, потому что чуть перепила, что естественно после такого...

Утром свекровь сама вызвалась отвести Алёнку в детский сад, Игорю работать во вторую смену, у неё выходной. Дома

никого, что позволяло выпустить пар, который сразу после пробуждения заклокотал внутри неё. Игорь проснулся, и началось...

– Игорь, ты хоть понимаешь, что подруги – это святое!

– Святое? – возопил в ответ Игорь, который вечером посчитал её умной женой, простившей случившийся с ним грех. – Да твоя подруга сама на меня напала! Святая? Она первая схватила меня за...

– И ты пал... Я для этого тебя наряжаю?!

Ина выхватила из гардероба полушубок, чтобы разорвать в клочья, но смогла с треском оторвать только воротник и демонстративно выбросить в открытую узкую форточку. При этом она успела боковым зрением увидеть справа на балконе свёкра, который нервно курил. Когда он пришёл?! Надо было срочно гасить скандал, а Игорь со свирепым выражением лица уже схватил телевизор, за который выплачивал кредит больше года, и пытался выбросить его следом за воротником в ту же узкую форточку... Это было очень смешно!

– Стоп! – приказала она, – там на балконе твой отец! Повеселились...

Игорь с удовольствием поставил самую любимую вещь в комнате на тумбу, а Ина уже нормальным голосом сказала:

– Короче, муженёк... бывший... отдал мужское достоинство в руки женщине и катись вместе с ним в её квартиру! Римма живёт одна, вам будет не тесно!

Игорь оделся и ушёл. Но вернулся... уже с воротником.

Ина не могла понять, что теперь со всем этим делать? Пока стали спать под разными одеялами, а дальше что? Если бы её родители жили рядом, она бы сразу ушла к ним, как делают сотни женщин после подлых поступков мужей. Ей бежать некуда!

Верность – первое условие брака, а иначе никак. Второе – равноправие. Раньше жёны не работали и занимались домом и детьми, без обид. Сегодня женщины работают наравне с мужчинами, поэтому и тяготы быта они должны разделять вместе. Ина считала только так, и Игорь помогал готовить, гладил бельё, гулял с дочкой...

Лет через тридцать золовка рассказала уже взрослой Алёнке, как она видела их с Игорем жизнь со стороны, что рассмешило Ину до слёз.

«Алёнка, твоя мама металась по квартире, как шальная пуля, я из своей комнаты опасалась выглянуть, чтобы не задела. Приходит с ночной смены, а Игорь ещё спит, ибо сибарит по сути. Слышу: Игорь, почему бельё не поглажено? Вставай! Я утюг включила! Он за твоей спиной! А гладили они на своей широкой тахте.

Брюки он гладил сам, потому что однажды посетовал, что стрелки кривые. Носки стирал сам, и не дай бог, не туда положил! Помню, только въехали в новую квартиру, и беременной маме не понравились сиреневые обои. Слышу, просит Игоря поменять их день, два, неделю. Потом вижу: сорвана полоса в полстены и висит над тахтой. Когда клеили

новые, чуть не до драки дошло. Пришлось Игорю шевелиться, а то посадишь – сидит, положишь – лежит. Наша порода такая.

Помню, я своего сына потеряла в квартире, когда ему было два года. Одела в шубу, натянула шапку меховую, валенки, поставила на диван и вышла, чтобы самой одеться. Возвращаюсь, а сына нет. Нигде. И тишина! Метнулась на балкон – нет, в спальню – нет. Что со мной было!.. Потом вижу: между боковиной дивана и тумбой торчат галоши. Оказывается, он стоял на диване, как солдатик, потом переступил ногами, пошатнулся и свалился в это пространство головой вниз, достав ею почти до пола, не издав ни единого звука! Спокойствие, главное – спокойствие!»

Ина тоже хотела этого чёртова спокойствия, как манны небесной, но семейный быт гонял и гонял по своему полю, а рабочий ритм посвистывал поверх головы нагайкой. Теперь Игорь, сидящий в неволе орёл молодой, преподнёс сюрприз, разрешив подруге жены подержать пару секунд свой жезл. Может быть, с дальнейшими последствиями... Что ей со всем этим делать? Они оба ради ребёнка согласились на брак, так зачем разрушать этот договор? Ина вспомнила деревню, где её мама страдала от тяжёлой работы, но всегда была спокойна за мужа. Там стоило женатому мужчине только посмотреть как-то не так на чужую жену или молодку, как уже и жене доложат, и осудят всем «обществом». В городе иначе, но зачем гадить в ближнем круге?! Подруги – свя-

тое...

Подруги. Только много лет спустя Ина задумалась над этим понятием. Её отношения с ними не назовёшь истинной дружбой. Назвать их отношения просто знакомством тоже язык не поворачивался. Они часто встречались и делились своими радостями и бедами, но проникнуться душами, как бывает при настоящей дружбе, у них так и не получилось.

Сначала их связывал институт и любовь к литературе, острое желание молодости общаться, причём – со всем миром. Потом их разделили мужчины. Ина первой вышла замуж и родила, но пыталась сохранить отношения. Она таскала на их посиделки мужа, который выпивал первую стопку, играл им на гитаре несколько песен и с чувством выполненного долга засыпал в кресле.

Вышла замуж Лада. Её муж, как истинный Лев, не выпускал её за пределы семейного круга, искренне считая, что им и внутри него живётся распрекрасно. В этом было что-то домостроевское, зато отношения у них были доверительные и тёплые, чего не было в семье Ины.

Римма оставила учёбу в институте и нашла себе подружку по душе. Нелли пока оставалась одна и без приглашения ни к кому из них не ходила. Стеснялась. И странным казалось то, что они по какой-то внутренней потребности всё-таки продолжали встречаться хотя бы раз в месяц. Можно ли было назвать это дружбой?

Ина как-то незаметно для себя выросла из своей детской

мечты иметь задушевную подругу. Да и кто мог принять и понять её эгоцентричный внутренний мир противоречивых устремлений, который с чуть прикрытым отвращением проживал реальную жизнь? Настоящая любимая находилась вне её, в параллельном мире литературного вымысла, в который она пряталась.

Выныривая оттуда, Ине приходилось что-то преодолевать, достигать, неимоверно долго ждать и терпеть нетерпимое. Книжные счастливые истории не совпадали с реалиями её обывательской жизни, вызывая в ней сплошное разочарование и внутренний разлад. Романтическая ли пастораль, омуты ли страсти, мужество или эстетская утончённость героев исчезали с прочтением последней страницы романа. Рай надежд, веры и любви сменялся их отсутствием, превращая жизнь в испытательный полигон для её мятущейся души.

Кто мог понять её со всем этим внутренним раздраем, если она сама себя не всегда понимала? У неё хватало ума его не демонстрировать: кому нужны исповеди сложносочинённых и трудно подчиняющихся особ? Теплилась мысль, что кому-то нужны, и этот кто-то мужчина. На неё тогда сильно повлияла мысль уважаемого писателя начала прошлого века о том, что настоящими друзьями для женщины могут быть только мужчины, и она стала искать дружбу с ними. Таковой не получилось. Ина усмехнулась. Сегодня поют совсем иные песни: «Самые лучшие друзья девушек – это бриллианты».

Вот так изменился мир.

Мечта о муже, который станет самым близким другом, с которым можно поговорить по душам, тоже не сбылась. С ним получалось говорить только по делу, и на том спасибо. Ина не собиралась делать из этого трагедию. Если становилось невмоготу, она обращалась за советом, помощью и вдохновением к своему единственному другу – книге. Каждую неделю она открывала очередную, как верующий открывает единственную – библию. И каждая из них радовала откровенными исповедями, смешила и успокаивала, укрепляла дух, поила родниковой водой светлых чувств. Книги расширяли её суетный маленький мир во времени и пространстве, иначе в нём можно было задохнуться.

Автор брал её за руку и уводил в свой выдуманный мир, в котором дарил мечты и уносил на её крыльях от бед и проблем реального мира в любой, нужный ей момент. И даже если в том нереальном мире происходили события более жёсткие, даже трагические, они не убивали, а становились прививкой, предохраняющей от страшных болезней реального.

Ина встречала в своей жизни умных и интересных людей, но разве с ними можно было провести в душевной беседе день, неделю, года? Хорошо, что у неё всё-таки остались подруги, конечно, подруги, пусть и без восклицательного знака, но ещё лучше, что у неё есть книги. Жаль только, что им не расскажешь об одиночестве, от которого леденеет сердце. Чтобы избавиться от него люди ищут любовь, вступают

в брак, но только она уже знает, каким невыносимым бывает одиночество в этом парном союзе мужчины и женщины. Только ли одна она?

Ина закончила писать главу и пошла пить кофе. Она заварила ароматный напиток и включила радио. Пел Григорий Лепс:

*...нас миллионы, но одиноко нам.
Мы уносим с собою все наши стоны
и песни о любви. Здесь никто не поймёт...
каждый сам по себе... только гимн
одиночества... в каждой душе.
Между нами шумит Вавилон, Вавилон...*

Учительница-практикантка

*Лучший учитель не тот, кто видит в детях только детей, а тот, кто сумел вовремя распознать в них взрослых.
(Сухоруков Л.)*

Пришла пора вспомнить о второй преддипломной практике в старших классах. Ине достался девятый класс. На её первых двух самостоятельных уроках учительница по русскому языку и литературе присутствовала, потом поняв, что практикантка худо-бедно справляется, решила лечь в больницу.

Ина осталась один на один с классом. Сначала она испугалась, а потом обрадовалась: никто не будет контролировать её уроки, в чём больше плюсов, чем минусов. Пары открытых уроков не избежать, но до этого она постарается найти общий язык с учениками, желательно на первом же уроке. Но, как?

Вся бумажная работа по составлению индивидуальных и прочих планов сделана, темы уроков расписаны и выучены. По программе ей досталась самая трудная из тем – «Война и мир». Хорошо, что преподаватель в институте требовал от них исключительных знаний этого великого романа, вплоть до масти и кличек лошадей Наполеона, Кутузова, царя Александра...

Первый урок мальчишки попытались сорвать, тихо двигая за её спиной первые парты к доске. Причём сидя за ними! Они с таким интересом ждали её удивлённой и растерянной реакции, что Ина не смогла сдержать улыбку, отчего растерялись уже мальчишки.

Потом, как-то само собой, она обратилась к ним как к взрослым с просьбой помочь ей провести практику без конфликтов, а она постарается подготовить их к сочинению по теме «Война и мир», которого им не избежать. Ещё надо написать два диктанта без двоек.

– Иначе я не получу зачёт по практике, а вы будете повторно писать сочинение и диктанты уже со своей учительницей. Как вам больше нравится?

Вопрос был явно неправильным с точки зрения педагогики, но человеческим. Класс отреагировал нормально.

– Нам нравится сразу получить одни пятёрки!

– Только диктовать просим медленно!

– И заранее темы сочинения...

Ина выслушала их и ответила:

– Я согласна на все пожелания, кроме объявления тем сочинения, потому что это незаконно!

Один из уроков чуть не сорвался. Ответить на вопросы по домашнему заданию был вызван Потапов, у которого в журнале чередовались двойки с тройками и точки. Из всех героев романа «Война и мир» он назвал троих и замолчал. Ина попыталась помочь ему простенькими наводящими во-

просами, но и на них он не ответил. Для того, чтобы поставить ему тройку, надо было получить от него ещё хотя бы два правильных ответа. Ина, которую в то время дома ждала маленькая дочка, с трудом сдержала себя, чтобы не спросить его: «Как коровка мычит?»

– Зачем мне литература, какая от неё польза? – хмуро спросил Потапов, садясь на своё место.

Пол-урока Ина потратила на то, чтобы ответить на этот вопрос, впервые отвечая на него и самой себе. Удивительно: ни в школе, ни в институте о пользе чтения ни разу не говорили. Это само собой разумелось. Такой вводный урок, как оказалось, необходим.

Ина попыталась коротко объяснить, что чтение книг развивает память, логическое мышление и воображение, обогащает словарный запас. Открывая книгу, мы можем оказаться в таком времени и месте, где никогда не были и, возможно, не побываем. Вместе с литературными героями мы будем искать и находить выход из сложных ситуаций, испытывая неповторимую гамму чувств, эмоций, которую нам вряд ли удастся испытать в собственной жизни. И всё это духовное, душевное и эстетическое богатство можно получить, не выходя из дома, а всего лишь открыв книгу!

Ина говорила и видела, что её общие фразы пролетают мимо сознания ребят. Пришлось сделать Потапова героем самых известных произведений, в которых, например, не Онегин, а Потапов... родился на берегах Невы, что развеселило

всех. Сразу посыпались примеры других героев, начиная почему-то с глухонемого Герасима.

Ине пришлось встать на защиту Потапова и сказать, что со слухом и голосом у него всё в порядке, а литература научит его правильно связывать не два, а много больше слов при разговоре и выражать свои собственные мысли. Главное, что после чтения они, умные и оригинальные, у него обязательно появятся, после чего он станет интересным человеком!

К теме урока Ина с трудом, но вернулась, а после звонка на перемену долго не могла успокоиться. Если честно, она после каждого урока с трудом приходила в себя. Только на этой практике Ина поняла, насколько тяжёлый труд учителя, а первые самостоятельные уроки – настоящее испытание силы духа. К каждому из них надо было готовиться очень серьёзно не только по материалу, но и внутренне. Внутренне – сложнее всего. Приходилось концентрировать волю до такой степени, которую может почувствовать каждый ученик.

Ина не знает, что помогло ей из выбранных ею приёмов, возможно, просто короткая юбка и новые модные сапожки, но вниманием ребят она завладела.

Диктанты они написали удовлетворительно, а сочинения поразили до глубины души. Первый отличник искренне возмутился уходом князя Болконского на войну в то время, когда его жена вот-вот должна была родить ребёнка. Мило. И ни слова о его стремлении к победе русского оружия и сла-

ве.

Мальчик из семьи партийной элиты их городка, по-советски княжеской, был далёк от этого: его и близко не подпустят в ряды защитников страны, хотя всю остальную молодёжь партия КПСС до тошноты перекармливала патриотизмом. Такова двойная мораль страны Советов.

Одно из сочинений она прочла с трудом – сплошные обрывки мыслей, незаконченные предложения. Явно просматривался психиатрический диагноз. Лежавшая в больнице учительница, с которой Ина созвонилась по телефону, открыла ей тайну: у мальчика шизофрения, но он тихий безобидный ребёнок, сын известного в городе человека. Потом попросила:

– Поставьте, пожалуйста, тройку... Не ожидала я от вас, Ина Ивановна, такой прозорливости. Да, ещё попросите мальчика сменить тетрадь и переписать сочинение: родителям неприятно будет читать ваш комментарий. Я уже подготовила отчётные документы по практике, а вы принесите все свои по положенному списку, после чего можете считать, что главный экзамен на право быть учителем вы сдали.

Сдала. Ура! Единственная мысль весь месяц сверлила мозг: зачем идут учиться в девятый, десятый классы дети, которые абсолютно не хотят учиться? За эти два года они могли бы получить специальность, обучаясь в ПТУ или техникуме. И таких троечников половина класса, если не больше, и они ходят в школу словно специально для того, чтобы

мешать учиться тем, кто готовится очень серьёзно к поступлению в институт.

Почему бы из трёх классов не сделать один? Но для этого экзамены после восьмого класса должны быть не фикцией, а преградой для бездельников и лодырей. Трудно вести урок, когда девочки рассматривают журнал мод, мальчики играют в морской бой. Глупость в том, что они после десятого класса всё равно поступят в училища, потеряв два года и навредив другим. И очень обидно, что многим вполне достаточно знать, как мычит коровка...

Через неделю, сдав документы по практике в институт, Ина навсегда забудет об этой школьной проблеме, потому что у неё было достаточно своих, семейных. И начальник станции, который дал возможность уйти в учебный отпуск, сразу запряг её работать без выходных. Она и не возражала.

Летом 1975 года Ина сдала государственный экзамен по специальности учитель русского языка и литературы и получила долгожданный диплом. Молодец.

В семье постарались этого не заметить. Свёкор, тем не менее, как-то дал ей на проверку подписанную им открытку «... с 65-летним юбилеем...» с таким количеством ошибок, исправлять которые не было смысла. Ина решила на следующий день купить новую и написать правильный текст, а свёкры в этот же вечер ушли на торжество без открытки, посчитав, что она не справилась с текстом. Ина очень расстроилась.

Получение диплома стало событием только для неё, поэтому и награду за усердие пришлось вручать самой себе. Ею стала горящая путёвка в Болгарию, лучший подарок по тем временам. Игоря она просто поставила перед фактом. Сумма, разрешённая к вывозу, была смехотворной: сто левов. Алёнку она отвезла к маме, чтобы быть за неё абсолютно спокойной.

Болгария

Зарубежье моё называется ближним...
(Успенская Л.)

При советской власти путешествие за границу в капитальной страны для среднего класса было практически недоступно. В Болгарию пускали, потому что она негласно считалась ещё одной республикой СССР. Ине такое счастье улыбнулось вовремя и кстати. Помог завоёванный на службе авторитет и нахальство: она позвонила насчёт путёвки в профком Отделения дороги, минуя свой, и там путёвку дали. Удача придала сил, она успела все организовать, даже пройти собеседование в «органах».

Суэта позади. Ина лежала на верхней полке вагона, смотрела на проплывающие за окном украинские белые хатки и ни о чём не думала. Никаких проблем. Какое же это удовольствие!

Стоило только подумать об этом удивительном факте, как они, проблемы, на неё свалились совершенно не по графику. Критические дни в поезде, и в то время, когда про прокладки и тампоны и слыхом не слыхивали! К тому же к ним в купе постоянно заглядывали мужчины их группы, чтобы просто потрепаться или пригласить в свою компанию по уничтожению алкоголя.

Как Ина ни старалась, но «аромат женщины» привлёк одного идиота, который от этих флюидов тащился: чистый бергамот, Париж весной! А она же мечтала только об одном – свободном туалете и искоренении всех признаков женского естества.

Идиот, молодой высокий блондин, не входил в их туристическую группу, но пил с её мужским составом с момента отправления поезда. В приподнятом разгорячённом состоянии он зверел, прорывался в их купе и, уткнувшись носом в её колени, балдел. Это был скандал. Пришлось обратиться за помощью к руководителю группы.

– Это какой-то артист, он прилепился к группе только на время проезда до Болгарии, – оправдывался руководитель, но меры принял. Артист больше не появлялся.

В Софии группу пересадили в автобус и повезли на курорт «Золотые пески», где четыре дня все наслаждались солнцем, морем и вечерними забегами по магазинам и магазинчикам. Мужчины пили с вечера до глубокой ночи и на завтраки не приходили, их соседи по столу всё отдавали Ине, сочувствуя её прозрачному виду.

Ина никак не могла набрать хотя бы пятьдесят кило живого веса, потому что из-за болезни её обмен веществ работал в ускоренном режиме и всё съеденное сгорало внутри неё мгновенно, как в мартеновской печи.

В Болгарии половина денег она истратила на помидоры и колбасу, развалы которой потрясали и заставили усомнить-

ся в преимуществах социализма. На оставшиеся деньги она купила себе белые босоножки на платформе с очень высокими каблуками, модную рубашку мужу, платье доченьке. Все сбрасывались на вечеринки, ходили в ресторан и на танцы, а ей удалось выйти в люди только один раз.

Обычно к вечеру группу привозили в новый город, заселяли на ночь в отель, в котором на открытой веранде находился ресторан или кафе, куда на танцы приходила местная молодёжь и даже семьи с детьми. В паузах играли детские песенки, под которые танцевали только малыши, что приятно удивило. Ина иногда наблюдала из окна за посетителями ресторана: за вечер ими выпивался бокал вина, от силы – два. Вино смаковали, наслаждаясь музыкой и тёплым весенним вечером.

В один из таких вечеров трое мужчин из группы почти силой вытащили её с соседкой в кафе при отеле. Ина часто сталкивалась с ними на совещаниях в Отделении дороги в Москве, свои ребята. Мужчины заказали две бутылки вина, которых не стало сразу. Потанцевали и заказали ещё две. Ина ушла, не выпив и полбокала, а они, видимо, оставили всю наличность ресторану.

– Представляешь, и ни в одном глазу! – жаловались они утром.

Естественно, если вспомнить, что каждый мужчина захватил с собой в путешествие едва ли не по ящику водки, которая очень быстро кончилась. Для Ины бокал вина давно

стал пределом питья, потому что при приёме таблеток пить спиртное не рекомендовалось. И судя по анализам, ещё год два.

Пришла пора идти в парикмахерскую, потому что ей самой с отросшей химией не справиться. Салон потряс различными гелями, шампунями, после которых её лохмы ожили, даже заблестели. Их накрутили на пять больших бигуди, а не на двадцать пять, как в советских парикмахерских. Ина посмотрела в зеркало и не узнала себя, а мастер сказала – Мерлин Монро. Длинная вязаная юбка «годе», немецкий обтягивающий батник и эта причёска сделали её второй красавицей группы.

Первыми были признаны две незамужние сестры, очень разные как по характеру, так и внешне. Младшая – скромная и тихая, старшая – высокомерная, претенциозная «королева». Обе были красивы, но рядом со старшей младшая казалась едва ли не уродливой.

– Ина, зайди, пожалуйста, к нам. У М. проблема и истерика...

– Какие проблемы? Здесь? – спросила она, заходя к ним в номер.

– Смотри! Кавалер платье подарил для выхода в ресторан... Уродство! – истерически завопила М.

– Это чудо – уродство? – Ина потеряла дар речи.

– Она хотела другое – более дорогое и открытое, – вздохнула сестра.

– Не может даже такую маленькую прихоть исполнить!
Как я пойду в шикарный ресторан в этой тряпке!

– Парень красивый, умный, перспективный и из хорошей семьи, а она изводит его капризами, – объяснила ситуацию младшая. – За свой счёт поехал в эту туристическую поездку, хочет предложение сделать... Ина, убеди М., что платье чудесное.

Ина убедила: в этом она была сильна.

Вечером М. с высоким красавцем спускалась по лестнице к такси, что походило на выход принца и принцессы. Вся группа вышла посмотреть, и каждая женщина вздохнула, каждая – о своём. Ина подумала, что до замужества и она была немножко похожа на эту молоденькую стерву. Интересно, что сделает с ней замужество и рождение ребёнка?

Сама она впервые после родов была довольна внешнею, но внутренний кураж пока не просыпался, оставалось тихо наслаждаться путешествием.

Потом гид группы – молодой болгарин – стал делать ей реверансы. Вначале всё было корректно, пока он только шутил над выносимыми ею фруктами после завтрака, что смущало, но не останавливало. Потом он стал более настойчив, и Ина снова обратилась к руководителю группы.

– Другие были бы рады такому вниманию, – засмеялся он.

– Я замужем!

– А где кольцо?

Он все-таки помог, больше никто к ней даже не пытался

клеиться.

С золотом не везло: обручальное колечко она потеряла, потому что оно стало велико и покинуло пальчик. Ещё в техникуме Ина потеряла самую дорогую семейную золотую вещь, мамин медальон, сделанный в Китае из червонного золота, на длинной цепочке. На втором курсе она выпросила его поносить, хотя он предназначался ей как свадебный подарок. Мама предупреждала, что замок слабый! Но Ина всё же потеряла этот медальон... Десять лет она скрывала потерю, просила мужа поддержать секрет, но он с удовольствием раскрыл его тёще. Ина даже не обиделась, в этом давно не было смысла.

Потеря случилась в Воронеже. Поздний вечер. Ина спешила после свидания в общежитие: в последнюю минуту перед закрытием она прошмыгнула в дверь мимо вахтёрши и радостно помчалась на второй этаж. Успела! Только перед сном она обнаружила пропажу и тут же вспомнила, как в тамбуре при входе почувствовала какое-то скольжение по шее вниз, но не остановилась из-за свирепого взгляда вахтёрши. Ина метнулась к ней и сразу поняла по бегающим глазкам, что медальон у неё, но отдавать его она и не собиралась.

Всю оставшуюся жизнь Ина будет грызть себя за то, что не смогла его вернуть. Могла ли она обыскать мощную старуху? Могла, но это был бы скандал на весь техникум. На верхней крышке медальона была прекрасная гравировка трёх

«М», Макаренко Мария Михайловна. Прости, мама.

В Болгарии к Ине вернулись силы, которые помогли подняться даже на Шипку. В предпоследний день перед отъездом она увидела в магазине очень модное длинное приталенное летнее пальто, которое было сшито как будто на специально для неё.

– Вы в нём великолепны, – прокомментировали примерку продавщицы. – Единственное осталось, потому что маленького размера. Ваше счастье, что у вас такая изящная фигура, всю партию расхватили в первый же день.

Счастье надо было брать, и Ина решила продать часы с позолоченным браслетом. В Болгарии такие ценили и предложили ей хорошие деньги, но на пальто их всё равно не хватало. Модные босоножки никому из женщин группы не подошли по размеру, и Ина всю ночь оплакивала своё пальто, оставшееся в одиночестве на вешалке в магазине.

– Почему разрешают брать с собой только сто левов?! – возмущались все, и больше всего мужчины, которых жутко раздражали немцы, оккупировавшие курорт «Солнечный берег», предпоследний в их путешествии. – Побеждённые шикуют, не вылезая из кафе и ресторанов, а мы, победители, со своими жалкими грошами презираемы всеми!

Уже на обратном пути соседки по купе вспоминали только один эпизод, поразивший всех в самое сердце. Как раз на курорте «Солнечный берег» немцы показали себя во всей своей надменной красе. На пляже молодой папаша вышел

из моря, подошёл к заснувшей на лежаке жене, равнодушно посмотрел на ползающего годовалого ребёнка и на глазах изумлённых советских дам, лежавших на песочке буквально в пяти шагах от него, снял плавки.

Первая загранпоездка закончилась.

Винни Пух

*Хорошо живёт на свете Винни Пух,
От того поёт он песни вслух...*
(Заходер Б.)

С Киевского вокзала столицы Ина сразу поехала в деревню забрать доченьку. Родители вкушали болгарские деликатесы и с трудом верили в её рассказ об увиденном ею продуктовом рае. Мама с радостью отметила, что она чуть-чуть поправилась и похорошела.

Дома Ина смотрела на дочку в новом платьишке, на мужа в новой стильной рубашке и убеждала себя в том, что у неё хорошая семья, несмотря на то, что Игоря всё больше увлекал интерес к дружеским компаниям и обильным застольям: своё-то было более чем скудным.

Каждый раз по его инициативе они шли в гости к тем, у кого уже была своя квартира, а в ней не было родни, как у них. Если такого счастья в выходные не складывалось, значит после завтрака – геть из хаты!

– Игорь, но кто ходит в гости в такую рань? – возмутилась однажды Ина.

– «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро», – не сказал, а пропел он уже на пороге. – Я по делу! Скоро вернусь!

Дверь хлопнула. Ине предстояло сходить в магазин и приготовить обед, а Игорь мог бы поиграть в это время с дочкой. Увы, из-за этого Винни Пуха у них никак не получалась идеальная семья. Эта мысль не покидала её, пока она ходила в магазин, потом варила суп. Сравнение мужа с Винни Пухом вызывало улыбку.

Ина любила этот мультик и обожала весёлого медведя, который легко жил и вечно искал, где бы полакомиться, но ей даже в страшном сне не могло присниться, что она выйдет замуж за его человеческую копию. Смешно до слёз! Убивайся теперь веником. И надо же было разойтись мечте с действительностью почти перпендикулярно. Муж – Винни Пух... Какие только сюрпризы не преподносит подсознание: обожаешь – получай! Разве можно представить этого мультяшного героя семьянином? Если только поженить его с Кроликом, будь тот женского рода. Кадры новой серии монтировались сами собой. Лучшей пары для Винни не найти с его-то аппетитом. А Кролик запасливый! Боже, она и есть тот домовитый Кролик, у которого порядок в доме, запасы на зиму, а без них появилась способность сварить суп из топора. Она по сути он, если добавить сарказма.

Ина вынырнула из воображаемого мультика и заглянула в кастрюлю: вода, картошка, пшено. Сейчас добавит заправку из лука, морковки, порезанной кубиками колбасы, и шедевр готов. Иногда для густоты она добавляла в кипящий бульон сырое яйцо, и оно превращалось в перистые бело-жёл-

тые облака и украшало любой прозрачный суп. Первое готово. Из чего готовить второе?

Ине до боли захотелось, чтобы в дверь вошёл настоящий муж-семьянин, увешенный пакетами с продуктами, разделся, улыбнулся и... обнял. Потом разобрал пакеты и похвастался добытым в неравной схватке мясом кабанчика, свежей печенью, купленными на рынке овощами и фруктами, творогом, а потом... потом заглянул в единственную комнату и, забыв обо всём на свете, заигрался с любимой дочкой. Эх... не исправима она в своей любви к фантастике.

Усилием воли Ина выключила воображаемую картинку и заглянула в комнату. Алёнка сидела на ковре и играла в куклы. Сейчас начнут показывать по телевизору мультики, и она увлечётся ими. Разве это нормально, что дочь совершенно не ждёт папу, что они оба не интересны друг другу?

Надо готовить второе. Ина заглянула в полупустой холодильник, где лежали три сосиски. Если сварить побольше макарон да изобрести соус, то успех второго блюда будет обеспечен. Голь на выдумки богата. Она взяла ковшик, смешала в нём подсолнечное масло, разбавленную водой томатную пасту, довела смесь до закипания и добавила в неё ложку уксуса, сахар, чёрный молотый перец и чеснок, соль по вкусу. Всё.

На часах полдень. Где загулявший муж? Ожидание всегда напрягало, в такие минуты Ина думала о разводе. Не лучше ли будет, если её Пух навсегда улетит из дома? Только

пустые люди любят толпу, как бараны – стадо. Она понимала, что не права, что сама раньше любила шумные компании, да и сейчас не против встретиться с друзьями, у которых тоже семья и дети. Её пугает в муже не столько это, сколько нежелание повзрослеть и понять все прелести семейного гнезда, в котором уют и порядок, в котором прелестный ребёнок и симпатичная жена, с которой давно найден консенсус (нет ничего тупее гормонов). Чего ему, примату, не хватает?!

Сейчас, когда она пишет эти строки, видна вся несостоятельность её претензий к своему браку и к мужу. Её поражает в той двадцатисемилетней женщине полное нежелание принять очевидное. Брак их вынужден, к нему они оба были не готовы. Игорьку надо было гулять ещё лет двадцать, ей – лет пять, чтобы полностью определиться в своих приоритетах, в которых она даже сейчас не разобралась окончательно.

Видимо задача выбора между разумом и чувствами не имеет решения. Одни молятся богине Любви, другие – богу Разума, и почти никто не попадает в рай, где живёт счастье. Случай воткнул её в брак где-то посередине между этими полюсами, соединив их. Получилось нечто с середины на половинку. В таком случае ждать полноты, тем более душевных чувств, глупо, а ещё глупее было страдать по их отсутствию.

Жаль попусту растроченной энергии, которой ей катастрофически не хватает сегодня для более разумного приме-

нения. И она ещё долго будет метаться между двух крайностей, не отдавая должного почтения золотой середине. Видимо, эти метания, это недовольство своим местом в человеке неизлечимо.

Анна Каренина в поиске страстной любви бросилась из полюса холода в пекло южного и сгорела. Не сработали тормоза ни у поезда, ни у неё. Всем хочется испепеляющей любви, но не смертельной, а настоящая она именно такая. Господи, почему человеку всегда мало того, что имеет?!

В те далёкие времена Ина тоже этого не понимала, отказывая мужу в его несемейных желаниях, естественно примитивных, зато свою мечту по идеалу эгоистично лелеяла и старалась притянуть за уши насильно. Насильно не получалось, что вгоняло в тоску.

Её удивительно талантливо показал Никита Михалков в своём фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино». Ина смотрела его и заливалась слезами. Это плакала её душа, которая понимала всё. Не состоялся герой. А мечтал! И у неё жизнь, как бездушная игра механического инструмента, от которой впечатлительная Сашенька упала в обморок. Глупенькая Сашенька ничего не понимает в душевных страданиях своего супруга, но зато она единственная среди собравшихся, у кого есть какой-то смысл в жизни. И смысл этот – любовь к мужу. Просто невозможно не заплакать...

Ина стоит у плиты, готовит обед и продолжает распили-

вать примата, уже вернувшегося домой и сидящего перед телевизором. Дочку забрали поиграть к соседскому мальчику на пятый этаж. Муж дома, а вокруг неё всё равно пустота. Нет ни одной невидимой ниточки, связывающих их, кроме одной почти осязаемой ею: его чувства голода.

А он мог бы посидеть с ней на кухне и поговорить о том, где ей искать работу педагога, или поделиться своими планами и мечтами. Смешно, ей богу, сказали бы ей девять из десяти пар, проживших вместе более трёх лет. Смешно, если бы Ина не помнила одну из них, к которым попала в гости случайно.

Они сидели, обнявшись, на диване и рассказывали ей о своих мечтах. Оба невысокие и худенькие, не блистающие красотой, но излучающие её. Вот он взял её руку и погладил, а она совершенно естественно склонила голову к его плечу и рассказывает ей, как они доставали обои для ремонта своей малюсенькой комнатки с единственным диваном, столом и стульями. Жена засмеялась и с восхищением посмотрела на мужа, который в этот момент накрыл её ноги пледом.

Ина почти не слышала, о чём они говорили, её заворожила никогда невиданная картинка двух любящих людей, слияние как сияние, освещающего их почти убогую каморку. Вот он убрал упавший на лицо жены локон и добавил к мечтам жены о ребёнке желание самому сделать кроватку для малыша. Когда это было? На полугодичной практике на станции Ка-сторная, ей было всего двадцать лет, и она без памяти влю-

билась в Гордея, местного элитного вожака небольшого стада козликов.

Может быть, именно эта пара показала пример той семьи, которую она хотела бы иметь. Кстати, их браку было больше пяти лет. Они ждали квартиру. Муж очень хотел ребёнка, но растить его в убогом уголке без удобств отказывался. Он нёс ответственность за здоровье жены и ребёнка. Затерялся в памяти Гордей, а эти двое, сохранившие нежность друг к другу за пять лет супружества, вдруг всплыли на её поверхность. А разве её папа с мамой не пример нежных искренних отношений, только стеснительно скрывааемых?

Обед готов. Пора звать всех за стол. Алёнка тоже пришла из гостей и крутится рядом с папой. Ине стало интересно, подтвердит ли их с мужем семейная практика выводы мудреца: «Брак, как и жизнь – это постоянная борьба: сначала за объединение, потом за равноправие, а затем и за независимость»?

Ина решила, что ещё не все достоинства и недостатки брака познала, не все игры сыграны. Если случай свёл вместе таких разных и далёких друг от друга людей на семейной сцене, значит им надо сыграть этот чёртов спектакль.

Игорь чувствует, что она готова выйти из роли жены в любой момент, но именно это почему-то удерживает его рядом с ней и ребёнком. Сцена для них с мужем слишком тесная, а для ребёнка – тёплая. Это надо помнить.

СССР 1971—1976 годы

На 25-м съезде КПСС подвели итоги 9-ой пятилетки за 1971—75 годы. Глава государства – Брежнев. Всего было построено 2 000 новых предприятий тяжёлой и лёгкой промышленности. Национальный доход вырос на 28%.

В 1971 году началась борьба с алкоголизмом. Были повышены цены на спиртное; время торговли алкогольными напитками крепостью 30° и выше было ограничено промежутком с 11 до 19 часов; были созданы лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), куда спившихся людей отправляли принудительно; из фильмов вырезали сцены с употреблением спиртных напитков. Лозунг кампании: «Пьянству – бой!»

1972 год – повысили минимальную зарплату до 70 рублей. Солженицын обратился с письмом к советским вождям с призывом демократических свобод, отделения марксизма от государства. На Западе начали печатать его «Архипелаг ГУЛАГ». Солженицына арестовали и выслали из страны.

1974 год – начали строить БАМ протяжённостью 3200 км.

1975 год – советскому физику-теоретику, академику и правозащитнику Сахарову присуждена Нобелевская

премия мира. Ему было отказано в выезде, премию получила жена, лечившаяся за границей.

Приняли план на 10-ю пятилетку до 1980-го года. Задачи: бороться с затушёвыванием реального положения дел в экономике, бороться за мир и международное сотрудничество. Генеральным секретарём ЦК КПСС вновь избран Брежнев.

Народ шутил, что после пятилетки Качества началась пятилетка Восстановления Народного Хозяйства. Всех задушил повальный дефицит на все товары, которые можно было купить без блата только в Москве. И народ ехал в столицу и сметал с полок всё, особенно съедобное. Многим было уже не до мануфактуры, хватило бы денег купить простые продукты: мясо, колбасу, рыбные консервы для салатов. И не забыть бы о шоколадных конфетах и туалетной бумаге. Дефицит последней потрясал больше всего. Загадка: «Длинная, зелёная и пахнет колбасой? – Электричка из Москвы»¹

Планы Ины на пятилетку перевыполнены: выросла профессионально, вышла замуж, родила своё счастье – доченьку, превратила комнату в уютное гнездо и без отрыва от всего вышеперечисленного получила второй диплом. Прекрасно! Но, эти достижения выкачали из неё все силы, которые она с трудом восстанавливала. Муж как опора семьи зашатался, что не вдохновляло на подвиги. Общие за-

¹ Н.В Спирин, 2003.

дачи не складывались, муж работал и больше ни к чему не стремился, кроме удовлетворения примитивных желаний, вплоть до права налево, поэтому она сама себе подарила путешествие по Болгарии.

Главной задачи на следующие пять лет нет, поэтому и тошно. Ей как-то надо преодолеть эту рабскую ненавистную и не присущую ей покорность обстоятельствам, найти новую работу и освободиться хотя бы от ночных смен, которые никак не укрепляли здоровье.

Новая профессия

*Работа избавляет от трёх зол: скуки, порока и
нужды.*

(Вольтер)

Найти педагогическую работу в их городке было невозможно. Но были нюансы... Родственница Пугачёвых, работавшая в ЖКУ огромного тепловозостроительного завода, взяла Ину к себе на работу в домоуправление с перспективой: должно было освободиться место педагога-организатора по работе с детьми.

Ина узнала, что высвечивалась и другая перспектива – стать заведующей и получить малогабаритную квартиру в новеньком общежитии для молодых специалистов, строительство которого заканчивалось. Это был её тайный план – переехать с семьёй в своё жильё.

Перевод из одного ведомства в другое дался с превеликим трудом (обычно заставляли брать расчёт, после чего терялся непрерывный стаж, чем очень дорожили в те годы). Через полгода её назначили заведовать этим самым новеньким общежитием.

Воз пришлось везти нелёгкий, и заселившиеся молодые спецы особым воспитанием не отличались, чем очень удивили. Они дрались за одеяла, просили поменять мебель, ком-

наты. На кухнях рвали друг другу волосы за свободные конфорки, ругались за очерёдность уборки и прочую дребедень.

Напрягала материальная ответственность: вдруг не хватало пяток одеял или стульев. Ина руководила штатом вахтерш и уборщиц и своими силами оформляла вестибюль. У неё всё получилось: одеяла и стулья находились, цветы в горшках цвели, офорты, доска объявлений, противопожарная и прочая информация висела, после чего можно было и отдохнуть.

Тут и начались проблемы: выявились семьи алкоголиков, пришлось переселять их на первый этаж и следить за тем, чтобы порядок не нарушался. Постепенно первый этаж был заселён только семьями рабочих, одна из которых пила по чёрному. Молодая мать ходила беременная, и, что удивительно, родила без проблем, видимо была полностью расслаблена.

Все решили, что пьянки после родов прекратятся, но горько ошиблись. Женщина все пила наравне с мужем, за дитём не смотрела, из комнаты постоянно слышался плач. Вахтерши бдили и однажды просто спасли малютку.

– Ина Ивановна, вчера вечером после вашего ухода малышка кричала больше час! Я не выдержала, и мы с их соседом взломали дверь. Эта сучка, простите, мертвецки пьяная заснула на диване, малышка свесилась с него вниз головой, только её рука, лежащая на ножках, не давала упасть. Малышка посинела от крика, а ей хоть бы хны!

Угрозы и беседы не помогли. Пришлось идти к наркологу и ставить семью на учёт. Такого надзора мать не выдержала и сбежала с ребёнком куда-то в деревню, даже мужу адрес не оставила.

Каждый раз перед сном Ина с ужасом думала, что будет с малышкой? Милиция обещала найти беглянку, но так и не нашла, а над её переживаниями посмеивалась. Их, мол, таких мамаш, целое стадо! Рожают, чтобы не работать, шастают с живыми кулками по городу, а дети до двух лет голову не могут держать. И нет на них закона!

Ина знала, что он есть: лишение родительских прав, но никто не хотел с таким муторным делом связываться. Она свяжется, но чуть позже, иначе её работа теряла смысл. После побега мамы-алкашки в общежитии наступили относительно спокойные времена с мелкими пакостями и ссорами на общих кухнях.

Лето. У Ины появился симпатичный интеллигентный поклонник, имеющий личный автомобиль. По тем временам – круто. Познакомились они в милом маленьком кафе в обеденное время. Он стал заходить к ней в кабинет, дарить цветочки. На улице солнышко припекает. «Поедем, красотка кататься...» И Ина решилась поехать с ним на реку искупаться, естественно, в обеденный перерыв. Пришлось заехать домой за купальником.

Дома был муж, который почему-то именно в этот день забежал с работы перекусить. Посмотрел он на неё и всё по-

нял: давненько он не видел такой сияющей и несколько возбуждённой жёнушки.

Подозрение о наличии у жены любовника потрясло его так основательно, что заставило даже измениться: с работы стал приходить вовремя, дочку из садика забирать, ужин готовить, в постели сама нежность.

После таких перемен исчез повод переехать с дочкой в общежитие, да и идея переселиться в него всей семьёй показалась сомнительной, хотя она придерживала для себя малогабаритную квартирку. Изменить мужу она так и не решилась. Случай или судьба, но они не разошлись.

Через год Ину перевели на освободившееся место педагога-организатора по месту жительства при ЖКУ. Были такие профессии при советской власти, одно из неглупых её достижений. Лет пять назад МВД возглавил Щёлоков и сделал упор на профилактику правонарушений. Усилили работу при детских комнатах милиции, неблагополучные семьи и подростки ставились под жёсткий контроль, предупреждавший нарушение закона, и его на своём участке должна была вести Ина.

Жилищное управление огромного завода имело пять домоуправлений, и при каждом из них была детская комната и педагог, организующий и контролирующий детский досуг: экскурсии по «Золотому кольцу», праздничные концерты, всевозможные кружки, спортивные секции по теннису, хоккею. С началом зимы заливались катки и начиналась подго-

товка команд к соревнованиям на приз «Золотая шайба».

Ина утонула в работе, которая нравилась всё больше. Её хоккейная команда занимала всегда первое место среди пяти домоуправлений, потому что капитаном команды был мальчик из состава молодёжной сборной Воскресенского «Химика». Она влюбилась в его силу воли, настрой на победу.

Ина сама себя не узнавала. Кажется, нашлось то место в жизни, где можно было раскрыть свои дарования. Детская непосредственность малышей, ершистость подростков, их заразительная беззаботность и веселье вытащили её из мрака семейного колодца навверх к небу и солнцу. Ина не была «над» ними, была среди них. В ней открылись не только способности организатора, но и способность вызывать доверие в детях. Она сама удивлялась сему факту.

До рождения дочери Ина вообще не замечала детей, если и замечала, то они больше раздражали криками, беготней, капризами. После родов перед ней вновь раскрылся забытый мир детства, в котором её душа распахнулась навстречу детской чистоте, наивности и полюбила материнской любовью.

При общении с чужими детьми она никогда не выжимала из них симпатии к себе, просто сама превращалась во взрослого ребёнка, оставаясь Иной Ивановной, оставаясь собой. Такого опыта у неё никогда не было, он пришёл сам собой. Играют они в шашки с дочкой разбитной бабёнки, торгующей квасом.

– Катерина! Ты мухлюешь, – констатирует Ина.

– Уж такое я ге, – притворно вздыхает маленькая оторва. – Простите за плохое слово, но его из анекдота не выкинешь.

– Если уж произнесла его, то Расскажи подробности, – просит Ина.

Анекдот Ине нравится, как и самоирония подростка.

Проблемы создавали только неблагополучные семьи и трудные подростки. Приходилось контролировать пьющих и гуляющих одиноких мамаш, или опустившиеся на дно порока семьи с детьми. Чего только Ина не насмотрелась в их квартирах, превращённых в клоаку, каких только непристойных историй не наслушалась от соседей. Все хором просили вмешаться и спасти деток.

Ине приходилось вмешиваться, чтобы защитить права детей, настойчиво привлекать трудных подростков во все мероприятия, устраиваемые при домоуправлении. За время её работы только две семьи были лишены родительских прав, потому что были безнадёжны.

На совещаниях по профилактике в отделе МВД Ина с гордостью могла сказать, что делала всё возможное, чтобы родители не теряли своих детей, а неуправляемые мальчишки занимались во всех организованных ею кружках и секциях и не искали в других местах приключений на свою голову.

В её собственной семье было всё хорошо. Игорь делился с Иной заводскими новостями, гордился тем, что делает станки на экспорт. Станки были надёжны, их закупали с удовольствием, но сразу выбрасывали из них электронику, за-

меня на более совершенную.

Однажды он достал для укрепления здоровья Ины жутко дефицитное мумие, сам сделал настойку на водке и заставлял её пить по пять капель с молоком. Её желудок после приёма даже такой дозы сворачивался в трубочку, и через пару недель она перестала над ним издеваться.

Игорь осерчал. Как-то к нему забежал очень пьющий знакомый, чтобы разжиться денежкой «на опохмел». Лишних денег у Игоря не водилось, кроме тех, что брал на обед в рабочей столовой, поэтому он подарил ему целую бутылку этой настойки! На следующий день знакомого увезли на скорой помощи в больницу, о чём мужу поведали соратники умирающего. Муж только посмеялся и успокоил Ину:

– Теперь забудет ко мне дорогу. Надоел!

– А если умрёт? – ужасалась она.

– Не умрёт. Они живучие. Помнишь первые заморозки? Идём с мужиками после второй смены, смотрим, один из них лежит в луже, почти вмёрз в неё. Оттащили домой, думали воспаление лёгких обеспечено, а он на другой день снова возле водочного магазина с друзьями собирает копейки на бутылку. И набирают, и к вечеру ползут домой.

– Значит, не зря выдвинули лозунг «Пьянству – бой!»

– Как выдвинули, так и задвинут, потому что рискуют потерять треть бюджета страны, как говорят на заводе знающие люди. Запретили продавать водку после семи вечера! И что? Наши мужики всё равно после смены успевают её закупить.

– Хочешь сказать, «Курить мы будем, но пить не бросим», и бюджет в безопасности, – подвела итог Ина.

– Ина, ты зря не стала лечиться настойкой, о целебных свойствах мумиё говорят на каждом углу. Я так старался...

– Спасибо, оценила. Настойка мощная, но к ней надо прилагать инструкцию: живот не болит – не успевает!

– Ина, я её приготовил по правилам! – возмутился Игорь.

– Но, исследования данного лекарства на подопытных людях дали отрицательные результаты, – возразила Ина. – У меня было такое предчувствие, когда я увидела, что от нескольких капель этой панацеи молоко начинало зеленеть. Игорь, я знаю, что ты хотел, как лучше, но второй шарик мумиё можешь продать желающим. С инструкцией!

Ина работала с двенадцати дня до восьми вечера, что было одним из преимуществ её работы. До обеда она успевала сделать все домашние дела, а вечером оставалось накормить мужа с дочкой ужином и приготовить чистую одежду обоим на завтра.

На зимние каникулы Ина с коллегами организовали для детей экскурсию в Ленинград, за участие в которой взрослые чуть не передрались. В результате поехали представители завкома и ЖКУ со своими детьми. Ине осталось дожидаться, когда Алёнки подрастёт, чтобы тоже брать её с собой.

В Ленинграде Ина была впервые. Эрмитаж, Петропавловская крепость... всё бегом, на улице мороз. На ночёвку повезли в приграничный с Финляндией городок, до которого

четыре часа пути. Никто даже не роптал.

Утром в маленьком магазинчике Ина обнаружила много импортной одежды и купила себе модный длинный красный приталенный плащ с погончиками, в котором выглядела идеально. Ина вспомнила больницу, разговор с Дарьей. Она тогда мечтала вернуть себе здоровье, привлекательность и уверенность в себе. Кажется, что это у неё получилось.

Она уже привыкла к тому, что на работе к ней обращаются по имени и отчеству, и даже муж иногда с усмешкой называет её Иной Ивановной. За успехи в работе её в мае наградили путёвкой в санаторий Пярну.

Пярну

*Что сердце... Порою бетон устаёт, и рушится
мост за пролётом пролёт.
(Друнина Ю.)*

Весна. В огромном санаторном комплексе в Пярну Ину поселили в коттедж, представляющий собой маленький холодный замок с огромной солнечной верандой. Там уже жили три недовольные женщины: всех русских селят в коттеджи, а своих – в главный тёплый корпус. Днём они наслаждались хвойным запахом удивительного парка с ручными белками, впитывали первые лучи солнца, а по ночам замерзали от холода под двумя одеялами. Только согреешься и заснёшь, как мочегонная минеральная вода вынуждает вылезать из тёплого кокона постели и бежать по вечной мерзлоте маленького замка в туалет.

Случилась одна невероятная вещь: в санатории Ина встретила знакомую из своей деревни – Глашу, которая приехала лечиться в этот же санаторий. Они гуляли по парку, и Ина слушала её рассказ о тяготах семейной жизни. Глаша вышла замуж за стеснительного и молчаливого, зато высокого, и, можно сказать, красивого парня. Сама она ростом метр с кепкой, получив в мужья такого парня, была счастлива.

Построили новый дом, родили двух дочек, муж трудился

на колхозной ниве комбайнёром, и всё было бы прекрасно, но он стал пить.

В страду работа на комбайне тяжкая, пыльная и оглушающая длилась с восьми утра до позднего вечера. Чтобы отдохнуть как следует, муж выпивал самогону и отключался, а после окончания страды уходил в запой. Несколько лет Глаша это терпела, хватая одну болезнь за другой, пока последний диагноз не стал похож на приговор. Её подлечили и отправили в санаторий, где даже врачи ей посочувствовали и поселили в главный корпус.

От неё Ина узнала, как живут бывшие подруги и знакомые, уехавшие в города. Все они хоть и приезжали в родную деревню, но в разное время и встретиться не могли, зато к Глаше-Глафире-Графине заглядывали обязательно, потому что она была единственным связующим звеном между ними.

В Пярну Ина чувствовала себя прекрасно: гормоны щитовидной железы почти в норме, суставы лечит, одета модно, причёска стала послушной и живой от яичного шампуня прибалтийского производства, даже Глаша не могла удержаться от комплиментов по поводу её внешнего вида.

Через неделю у Ины на носу вскочило аж три маленьких прыщика, а поскольку она продолжала мёрзнуть по ночам, они набухли прямо на глазах. Медсестра каземата мгновенно притащила грелку и обогреватель, врач назначил прогревание, но это не помогло. Вскоре даже на улицу Ина не мог-

ла показаться, а впереди дорога домой. Как с таким носом? И она выдавила не созревшие ещё нарывы. Надо было задержаться в санатории и долечиться, но она совершила глупость и поехала домой с непоправимо испорченным фейсом.

В Таллинне, в ожидании поезда, Ина бродила одна по узким улочкам Старого города и проникалась древней историей. Воображение рисовало её, идущую в далёком прошлом между крепостными стенами... Какие тогда носили одежды?.. Почему-то стало тревожно...

Она с трудом вынырнула из воображаемого далека и посмотрела на небо, по которому на город надвигалась невероятно огромная туча, которая всё больше хмурилась и порывивала тигром, предупреждая о грозящей всем опасности.

Ина порадовалась, что скоро разместиться в купе, отвернётся к стенке, и никто не будет смотреть на её изуродованный нос. Только к вагону надо подойти перед самой отправкой поезда.

На перроне никого – все в вагоне. Ина протянула проводнице билет, та, посмотрев на него, с удовольствием сообщила, что место занято, потому что у неё двойной билет.

Ину охватила паника: надо бежать к начальнику вокзала разбираться... за пять минут до отхода поезда! Побежала, задыхаясь, сердце после отдыха не желало перенапрягаться. Стоп! Есть начальник состава!

Ина вернулась, воздуха не хватало... Оттолкнув проводницу, она зашла в вагон и остановилась у окна, чтобы отды-

шаться. Поезд тронулся. Туча уже заволокла всё небо, стала темно-фиолетовой и начала метать в землю молнии одну за другой.

Проводница пробежала мимо Ины, чтобы доложить начальнику о вопиющем инциденте. Сердце Ины всхлипнуло и почти остановилось, в глазах потемнело, ноги стали ватными. На непослушных ногах она добралась до своего места и упала на нижнюю полку, прямо на колени уже лежащего на постели мужчины.

Так второй раз в жизни Ина потеряла сознание. В первый раз это случилось, когда у неё, беременной, взяли два шприца крови на анализ. Тогда в трамвае она села прямо на колени женщине, но пришла в себя уже через остановку. На этот раз – поезд, его не остановишь.

Очнулась она, лёжа на нижней полке с тремя подушками под головой, соседка поспешно сунула ей в рот таблетку валлола и с чувством выполненного долга заснула. За окном в ночи бушует гроза. Все спят. Куда делся мужчина, приходила ли проводница?

Не успела она подумать об этом, как её стало затягивать в воздушную серую трубу с такой скоростью, от которой сознание сковал леденящий ужас. Сквозь него пробивалась только одна мысль: не закрыть глаза! А их очень хотелось закрыть.

Уходящее сознание требовало срочно остановить поезд! А подсознание уже рисовало далеко не радужную карти-

ну: носилки, чужой город и больница... Как страшно... как неудобно...

Поезд мчался сквозь молнии и раскаты грома в чёрной ночи, а она боролась за жизнь. Стоило расслабиться, как сознание затягивало в смертельную чёрную трубу. Время исчезло, осталось только неимоверно трудное усилие – не закрыть глаза, не попасть в эту ужасную огромную трубу, похожую на тоннель. Ина не помнит, сколько времени она боролась за жизнь, но каждый момент хотелось кричать: «Остановите поезд!»

Лет через десять она прочтёт книгу Моуди «Жизнь после жизни» и может подтвердить, что сознание покидает нас через тоннель, но это не означает существование души, как счастливо предполагала. Просто умирая, мозг выдаёт такую картину, объяснили врачи. Это объяснение не оставляло надежды ни на какую жизнь «после». Прожив с верой лет десять, Ина в один миг потеряла её. Разочарованию не было предела.

Спасла её женщина. Посреди ночи она, как ангел, открыла дверь в купе, впуслав свежий воздух, насыщенный озоном, и исчезла. Через несколько минут появилась снова и дала стакан воды с таблеткой. Ина молча выпила и перестала бороться за жизнь.

Очнувшись она к полудню следующего дня и пролежала, откинувшись к стене, до самой Москвы. Впереди ждало испытание: встреча с «любимым» семейством, которое она насме-

шит своим носом. Переживёт. Главное, что осталась жива. Сейчас её тело могло лежать на носилках в отделении милиции, равнодушное ко всей суете человеческой жизни. «Вот так и живём завтрашним днём, не подозревая о том, что сегодняшний может оказаться последним. И сейчас она автоматически проживёт до конца этот день и снова будет думать про завтра, послезавтра...» С этими мыслями Ина вошла в метро.

Подарок судьбы

Как будет по латыни «Нет предела человеческой глупости»?

*Ответ: «Нон лимитус хоминус долбоебус».
(Народный юмор)*

Раньше Ина считала, что если удача приходит к человеку, то принимай её и радуйся. Ан, нет! Жизнь доказала ей, что даже к удаче нужно быть готовым. Многие не только не готовы, но уже при первом её приближении теряют голову. Не потерял голову – получай конфетку.

Для их семьи «конфетка» давно маячила на горизонте: заграникомандировка. В те времена это была даже не конфетка, а огромный торт. Из цеха, где работал муж, высококвалифицированных слесарей с семьями посылали в разные страны на сборку проданных станков. Приезжали они обратно с большими деньгами, и только такая перспектива заставляла мужа согласиться работать на заводе и расти профессионально.

Надо сказать, что за право поездки в командировку шла тайная борьба не на жизнь, а на смерть. И вот, наконец, великий Свёкор сообщил, что их могут послать в Японию, самую привлекательную из всех стран. Приготовиться к счастью! Больных не берут!

Ина пошла к врачу, чтобы узнать, не превратился ли её

полиартрит в ревматизм с подачи тиреотоксикоза. «Смерть» в поезде предупредила, что кружится рядом. Ангел-хранитель послал ей на этот раз чудесного врача, Нинель Кемель, диагноста божьей милостью. Такого врача она больше никогда не встретит на своём хроническом больном пути. На приёме в поликлинике она терпеливо выслушала Ину, задала некоторые вопросы, после чего восприняла её несостоявшуюся смерть очень серьёзно и даже отправила в больницу на обследование. В тот же день она зашла к ней в палату и принесла свои любимые старые журналы с интересными статьями и романом.

Десять дней анализов, диагностических процедур, и вот Нинель присаживается на край её больничной койки.

– Журналы понравились? – с приветливой улыбкой спросила она.

– Я в восторге от очерков о «Туманном Альбионе». Спасибо. Не томите с приговором, пожалуйста.

– Все прекрасно. Ревматизма нет!

– Это когда поражено сердце и суставы закручиваются верёвкой?

– Это – мимо. Крутить будет, но не скрутит.

– А что в яблочко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.